

WIADOMOŚCI POLSKIE ПОЛЬСКИЕ ВЕДОМОСТИ

4 (52) - 2016

PISMO POLAKÓW Z POŁUDNIA ROSJI / ИЗДАНИЕ ПОЛЯКОВ ЮГА РОССИИ

*Świątynia Opatrzności Bożej w Warszawie,
gdzie w Panteonie Wielkich Polaków został pochowany
Ś. P. Longin Komolowski (1948-2016)*

Польские дни в Краснодаре

С 29 по 30 октября 2016 г. в Краснодаре прошли Седьмой фестиваль польских ансамблей и исполнителей Юга России (29 октября) и Восьмое совещание председателей польских организаций Юга России (30 октября).

Организатором Польских дней выступила Краснодарская региональная общественная организация Польский национально-культурный центр «Единство» при поддержке администрации Краснодарского края, города Краснодара, МКУ «Общественно-информационный центр города Краснодара», ККОО «Центр национальных культур» и Посольства Республики Польша в Москве.

29 октября 2016 г. в актовом зале МКУ «Общественно-информационный центр города Краснодар» прошёл Седьмой фестиваль польских ансамблей и исполнителей Юга России, в котором приняли участие 18 коллективов и отдельных исполнителей, представлявших 8 городов Юга России.

Гостями праздничной программы стали представители администрации Краснодарского края и муниципального образования город Краснодар, ККОО «Центр национальных культур», ветераны войны и труда, студенты краснодарских средних специальных и высших профессиональных образовательных учреждений.

30 октября 2016 г. в национальной гостиной МКУ «Общественно-информационный центр города Краснодар» состоялось Восьмое совещание председателей польских организаций Юга России, на котором собрались представители 12 польских организаций и лидеров инициативных групп Юга России. На совещании обсуждались следующие вопросы: деятельность организации за предыдущий год, проблемы интеграции польских организаций в России.

На совещании присутствовали представители администрации Краснодарского края, управления министерства юстиции по Краснодарскому краю и представительства МИД РФ в Краснодаре.

XI международная научная конференция «Поляки в России»

В Кубанском государственном университете 17–18 ноября 2016 года состоялась XI международная научная конференция «Поляки в России».

ТРАДИЦИОННО её организаторами выступили Краснодарская региональная общественная организация «Польский национально-культурный центр «Единство» и Кубанский государственный университет.

В конференции приняли участие более тридцати российских и польских историков, филологов, журналистов, библиологов, а также представитель Посольства Республики Польша в РФ. Работа шла в двух секциях: «Поляки и Россия, Польша и русские» и «Поляки на Юге России». Важной частью конференции стали дискуссии по обсуждаемым проблемам, в которых активное участие приняли студенты, магистранты и аспиранты факультета истории, социологии и международных отношений.

К приезду участников конференции в холле Научной библиотеки КубГУ была организована выставка польской

книги, включающая учебники польского языка, художественные произведения, научные и публицистические работы польских авторов.

В своих докладах польские исследователи отразили огромный интерес к истории и культуре России. В свою очередь, российские учёные представили интересные исследования, посвящённые судьбам поляков в России.

Участники конференции выразили надежду, что интерес научного сообщества к польско-русской проблематике будет расти и, без сомнения, приведёт к новым научным контактам учёных разных стран. Расширение контактов позволит найти сбалансированный подход к изучению «болевых точек» нашей общей истории и лишить её идеологического налёта. Именно это будет способствовать сохранению связи времён, позволит вырваться из плена сказок и мифов и использовать историю

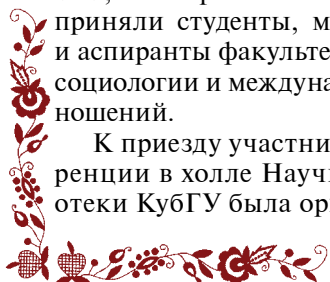
для формирования атмосферы взаимопонимания.

В ходе визита польской делегации были проведены переговоры о возможности подписания соглашений о студенческом и академическом обменах, а также о совместном участии в международных грантовых проектах.

Польская сторона выразила высокую заинтересованность в расширении сотрудничества не только на словах, но и в официальном письме ректора Варшавского университета Марцина Палыса руководителю КубГУ М.Б. Астапову.

— Конференция «Поляки в России» уже давно завоевала признание в научном сообществе и вносит свой вклад в гармонизацию межнациональных отношений и укрепление доброжелательного российско-польского научного, образовательного и культурного диалогов, — отметил Марцин Палыс.

Последние годы в конференции стали принимать участие сотрудники Варшавского университета. В 2011 г. Кубанский госуниверситет посетил профессор

V полонийный консультативный совет в Москве

16 ноября 2016 года в Москве прошло заседание V полонийно-консультативного совета, в состав которого вошли председатель КРОО Польский центр «Единство» Александр Селицкий и вице-председатель «Единства», модератор общероссийского интернет-портала для полонии и поляков в России Ян Карбовницкий.

УЧАСТНИКИ заседания обсудили вопросы, связанные с функционированием полонийных организаций в России и перспективы их дальнейшего развития. В заседании принял участие Посол Республики Польша в Москве Владзимеж Марциняк.

Хероним Граля, ставший не только участником, но и соредактором трёх научных сборников «Поляки в России», изданных в Краснодаре в 2007, 2008 и 2009 гг. В 2008 г. в сборнике «Поляки в России: веки истории» (Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2008) были опубликованы две статьи профессоров вуза Польши. В 2013 г. с открытой лекцией в КубГУ выступил профессор Варшавского университета Дариуш Кузьмина.

— Приятно отметить, что активизация научного сотрудничества вузов во многом развивает те принципы, которые были заложены в нашем совместном соглашении о взаимовыгодном сотрудничестве, подписанном в 2014 году, — также написал Марцин Палыс. — В связи с этим выражаю Вам искреннюю благодарность за многолетнюю работу по организации научного сотрудничества наших вузов. Мы высоко ценим межвузовское сотрудничество и надеемся на его укрепление и успешное развитие в дальнейшем.

В свою очередь ректор КубГУ передал ответное письмо ректору вуза-партнёра, в котором подтвердил намерение продолжать сотрудничество в расширенном формате.

Konferencja „Polskie dziedzictwo duchowe i kulturowe na Wschodzie w 1050 rocznicę Chrztu Polski”

11 listopada w Senacie odbyła się konferencja „Polskie dziedzictwo duchowe i kulturowe na Wschodzie w 1050 rocznicę Chrztu Polski”, podczas której przedstawiciele instytucji państwowych, organizacji społecznych i duchowieństwa mówili o potrzebie opieki nad spuścizną I i II Rzeczypospolitej znajdującą się za wschodnią granicą kraju.

MARSZAŁEK Stanisław Karczewski przywołał słowa z orędzia prezydenta Andrzeja Dudy, że przyjęcie chrztu określiło naszą polską tożsamość i dzięki temu udało się zbudować wspólnotę opartą na fundamencie wiary. Mamy więc obowiązek strzeżenia naszego wielkiego dziedzictwa narodowego, także tego na Wschodzie.

Przewodnicząca Komisji Spraw Emigracji i Łączności z Polakami za Granicą senator Janina Sagatowska podkreśliła, że Senat zawsze był opiekunem Polonii, a w swoich działaniach jest otwarty na wszystkich, którym bliskie są sprawy naszych rodaków z granicą i praca nad utrzymaniem oraz rozwojem rodzimej kultury, języka i tradycji.

Wiceprezes Fundacji *Pomoc Polakom na Wschodzie* Ewa Ziółkowska

przedstawiła natomiast projekty realizowane przez fundację na rzecz Polonii na Wschodzie, także we współpracy z Kościołem katolickim. Priorytetem jest wspieranie edukacji w języku polskim, nauczania języka polskiego i propagowanie wiedzy o Polsce. Z pomocy fundacji korzysta m.in. 25 przykościelnych punktów nauczania języka polskiego na Białorusi, w których uczy się około tysiąca uczniów.

Po konferencji w Belwederze odbyła się uroczystość wręczenia 33 osobom odznaczeń za wybitne zasługi dla polskiego kościoła na Wschodzie, krzewienia polskiej kultury i tradycji narodowych oraz za działalność na rzecz polskich mniejszości narodowych.

W imprezach uczestniczył prezes Polskiego Centrum „Jedność” dr Aleksander Sielicki.

„Martyrologium Polaków z Kubania. Represjonowani w toku operacji polskiej NKWD w latach 1937–1938”

Spotkanie z autorami książki „Martyrologium Polaków z Kubania. Represjonowani w toku operacji polskiej NKWD w latach 1937–1938”.

W DNIU 5.12.2016 r. w siedzibie Stowarzyszenia Memoriał w Moskwie odbyło się spotkanie z dr hab. Siergiejem Kropaczewem oraz dr Aleksandrem Sielickim, autorami książki „Martyrologium Polaków z Kubania. Represjonowani w toku operacji polskiej NKWD w latach 1937–1938”.

W książce została przeanalizowana realizacja przez organy NKWD „operacji polskiej” w latach 1937–1938, w czasie której na terenie ZSRR represjonowano ponad 100 tysięcy etnicznych Polaków, obywateli sowieckich. Zdecydowana większość z nich została rozstrzelana. Na terenie Kubania operacja miała szczególnie okrutny przebieg – spośród około 2 tysięcy aresztowanych rozstrzelano

około 94%. Był to najwyższy odsetek w całym ZSRR.

Ogólny kontekst historyczny przedstawił przewodniczący Memoriału p. Arsenij Roginskij. Ambasador RP w Moskwie – p. Włodzimierz Marciniak, w swoim wystąpieniu podkreślił, że poza naukowym wymiarem związanym z publikacją, szczególne znaczenie ma fakt, że odtwarzając personalia represjonowanych i przywracając ich imiona, uniemożliwia ona realizację jednego z głównych celów oprawców – wymazanie ofiar z powszechnej pamięci.

Prezentacja publikacji odbyła się także w dniu 6 grudnia br. na Wydziale Dziennikarstwa, Informacji i Bibliologii Uniwersytetu Warszawskiego.

25 лет Союзу поляков на Кавказских Минеральных Водах

Дни польской культуры в Пятигорске на этот раз были приурочены к 25-летию юбилею «Союза поляков на Кавказских Минеральных Водах», созданного 9 ноября 1991 года.

ПРАЗДНЕСТВА стартовали в Пятигорском государственном университете, где в 2009 году при поддержке «Союза поляков на КМВ» была образована кафедра полонистики.

Прибывших на юбилей представителей Посольства Республики Польша и гостей праздника приветствовал ректор Александр Горбунов. Гости ознакомились с университетом, а также посетили один из лучших в университете центров – Центр польского языка и культуры, созданный в 2011 году.

Разные жанры польской культуры – вокальный, танцевальный, музыкальный, литературный – смогли увидеть зрители, пришедшие на концерт, подготовленный членами «Союза поляков на КМВ» и студентами, изучающими польский язык в Пятигорском государственном университете (преподаватель Юстына Пиляк).

Участники детских ансамблей «Струмык» и «Незапоминайки» (руководитель Анна Зеленова) показали традиционные польские танцы – полонез и польку. Никого не оставил равнодушным исполненный на скрипке Настей Вартанян всемирно известный «Полонез» Огинского. А завершился концерт новым хитом ансамбля «Висла» (руководитель Людмила Колпакова) – цыганской песней «*Hej, tam pod lasem*» с цыганским размахом и весельем.

После концерта

для желающих Елена Бродовская провела интересную экскурсию по Пятигорску с посещением мест, связанных с пребыванием поляков на Кавказских Минеральных Водах. А вечером все гости во главе с консулом Станиславом Садовым были приглашены в офис организации, где ознакомились

с юбилейными материалами – стендами, газетами и брошюрой об истории создания и 25-летней деятельности «Союза поляков на КМВ».

На следующий день ноябрь подарил тёплую солнечную погоду с чистым голубым небом, чтобы участники экскурсии смогли увидеть кавказскую природу во всем её великолепии. Красоту и колорит Северного Кавказа увидели и ощутили гости юбилея, побывавшие на горе Кольцо вблизи Кисловодска и на Медовых водопадах Карачаево-Черкессии. Те, кто взобрался на гору, были награждены чудесными видами горных пейзажей на фоне голубого неба. Медовые водопады красивы в любое время года, в чём могли убедиться участники экскурсии, пройдя по горному ущелью, наслаждаясь потоками бурлящей воды, искрящимися на солнце, запечатлевая в памяти хребты холмов и отвесные скалы ущелья, внизу которого протекает река.

После экскурсии на Медовые водопады гостей праздника и членов «Союза поляков на КМВ» уже ждал гостеприимный Дом

национальных культур во главе с директором Эммой Артемовной Дзитиевой. Здесь также проходила выставка картин нашего полонийного художника, члена Союза художников Российской Федерации Игоря Хоронько, на которой были представлены работы с видами Кавказских Минеральных Вод и Польши.

Гостем встречи была председатель Думы г. Пятигорска Людмила Васильевна Похилько, которая пришла поздравить членов «Союза поляков на КМВ» с юбилеем. В тёплой дружеской обстановке прошло общение близкими друзьями организации, представителей полонийных организаций России, приехавших на праздник к юбилярам. Все они поздравляли нас с праздником, выражали слова благодарности за сотрудничество, поддержку, общие проекты, желали организации дальнейшего процветания.

В этот день консул Станислав Садовый в торжественной обстановке вручил Анне Марченко Карту поляка. А Ларисе Волковой за многолетний труд на благо организации было присвоено звание Почётного члена «Союза поляков на КМВ». За значительный вклад в укрепление межнационального мира и согласия в регионе, активное участие в городских мероприятиях и в связи с 25-летием со дня образования «Союза поляков на КМВ» Дума города Пятигорска наградила благодарственными письмами Галину Нестеренко, Елену Бродовскую, Ларису Волкову, Людмилу Колпакову, Анну Зеленову и Игоря Хоронько.

Дружба с представителями разных национальностей делает нас духовно богаче и расширяет наши представления о мире. Убедиться в этом смогли все, кто пришёл вечером 19 ноября в конференц-зал гостиницы «Интурист» на юбилейный концерт, посвящённый 25-летию «Союза поляков на КМВ». На концерте выступили не только вокальные и танцевальные коллективы «Союза поляков на КМВ», но и артисты из других национальных диаспор, пришедшие поздравить нашу организацию с юбилеем.

Людмила КОЛПАКОВА

NIE SPOCZNIEMY – НЕ УСПОКОИМСЯ

Próbuję przypomnieć sobie – kiedy tej piosenki słuchałem po raz pierwszy? Wydaje mi się, że pod koniec lat 1970-ch jako jednej z wyróżnionych na Międzynarodowym Festiwalu Interwizji w Sopocie.

Międzynarodowy Festiwal Piosenki odbywał się wtedy każdego lata w Operze Letniej w tej niewielkiej miejscowości uzdrowskiej i był u nas w ZSRR wysoce popularny.

*Смотришь конкурс в Сопоте
и глотаешь пыль,
а кого ни попадя
пускают в Израиль.*

(Владимир Высоцкий)

*Sopot w Interwizji – to
jak karuzela,
zaś wyjeżdża byle kto
wręcz do Izraela.*

(Włodzimierz Wysocki)

W tamtych czasach ogromnie byłem zafascynowany polszczyzną, szczególnie jej piękną melodyką tak osobliwą dla Rosjanina oraz mnóstwem pierwiastków wspólnych dla ościennych języków słowiańskich...

Czytałem wtedy po polsku chyba więcej, niż po rosyjsku i łączywie korzystałem z każdej nadarzającej się okazji porozmawiać po polsku...

Czy warto było kochać nas...

Tekst tej piosenki powstał w 1970 roku. Jego autorką była Agnieszka Osiecka, która nie od zawsze kojarzyła się z tak poważną panią w zaawansowanym wieku, jaką znamy z jej

ostatnich zdjęć. Młoda – wtedy nie miała nawet trzydziestki – piękna i niesamowicie utalentowana. Bułat Okudźzawa był starszy od niej o dwanaście lat.

*...Umiem cenić twój takt,
elegancki twój styl,
kto nauczył cię tak ładnie patrzeć na lzy?
Jeszcze tulisz do ust moją rękę,
lecz zapomniaś mnie jak tę piosenkę.
Żegnaj miły, no cóż,
jak się żegnać – to już,
pięknie było nam z tym,
lecz za dużo jest zim,
ja cię może za mało kochałam,
lecz zapomnieć to już nie umiałam.*

*Ach, panie, panowie,
ach, panie, panowie,
ach, panie, panowie,
czemu ciepła nie ma w nas?*

*Co było, to było,
co było, to było,
co było, to było,
nie wróci drugi raz...*

*...Обожаю твой такт,
твой изысканный стиль,
Кто тебя научил мило слёзы ценить?
Мою руку ещё прижимаешь к губам,
но как песенку эту позабудешь меня.
Что ж, мой милый, прощай,
коль прощаться – так вмиг,
было нам хорошо,
но с избытком – тех зим,
слишком мало я, может, любила тебя,
но и просто забыть я уже не могла.*

*Ах, дамы, господа,
ах, дамы, господа,
ах, дамы, господа,
что ж тепла нету в нас?*

*Что было, то было,
что было, то было,
что было, то было,
и вернуть то нельзя...*

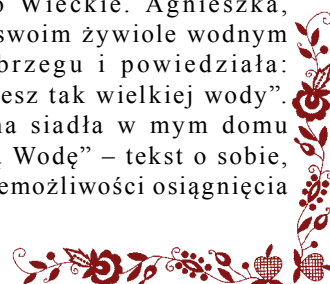

**Agnieszka Osiecka
i Katarzyna Gaertner**

Ocalało nagranie dyktafonowe, na którym Agnieszka Osiecka na kilka dni przed końcem życia nuci sobie właśnie tę piosenkę.

Zresztą to zupełnie inna piosenka i zupełnie inna historia... Na zdjęciu mniej więcej z tych samych lat identyfikujemy Agnieszkę z Katarzyną

Gaertner – autorką muzyki do tekstów Osieckiej. Zapoznały się w 1968 roku, często nawzajem u siebie gościły. Gaertner przypominała sobie: „Tuż za oknami moimi ciągnęło się Jezioro Wieckie. Agnieszka, która zawsze przebywała w swoim żywiole wodnym pewnego razu stanęła na brzegu i powiedziała: „Rozumiem, po co potrzebujesz tak wielkiej wody”. Pod wpływem tej chwili ona siedła w mym domu przy stole i napisała „Wielką Wodę” – tekst o sobie, o trwałej gorączce życia, o niemożliwości osiągnięcia szczęścia”.

NIE SPOCZNIEMY —

Początek na str. 5

Czy warto było kochać nas?.. Owszem, warto!

Natomiast tekst piosenki „Nie spoczniemy”, o którym dziś mowa, Agnieszka uważała za jeden z najbardziej nieudanych. Być może miała rację... Czyżby istniały na świecie przykłady, kiedy genialne wiersze, powstałe

kosztem krwi i bólu poety, przemieniały się w przeboje? Podaję tekst Agnieszki Osieckiej i jedno ze współczesnych tłumaczeń Sergieja Szorgina, dość trafne... lecz nie doskonałe!

*Nie utulony w piersi żal,
bo za jedną śnią dalą – druga dal...
Nie spoczniemy,
nim dojdziemy,
nim zajdziemy
w siódmy las,
więc po drodze,
więc po drodze
zaśpiewajmy
chociaż raz!*

*Nie nasycony w sercu głód,
bo za jednym nocnym chłodem – drugi chłód...
Nie spoczniemy,
nim dojdziemy,
nim zajdziemy
w siódmy las,
więc po drodze,
więc po drodze
zaśpiewajmy
jeszcze raz!*

*Nie wytańczony wybrzmi bal,
bo za jedną śnią dalą – druga dal...
Nie uleczony usnie ból,
za pikowym czarnym królem – drugi król...*

*Nie pocieszony mija czas,
bo za jednym czarnym asem – drugi as...
Nie spoczniemy,
nim dojdziemy,
nim zajdziemy
w siódmy las,
więc po drodze,
więc po drodze
zaśpiewajmy
jeszcze raz!*

*Czy warto było kochać nas?
Może warto, lecz tą kartą źle grał czas...
Nie spoczniemy,
nim dojdziemy,
nim zajdziemy
w siódmy las,
więc po drodze,
więc po drodze
zaśpiewajmy jeszcze raz!*

*Безмерна на душе печаль,
ведь за каждой синей далью – снова даль.
За горюю
за седьмою
лес листвою
манит нас;
нет покою
нам с тобою,
так споём
хотя бы раз.*

*Безмолвный мучит нас вопрос,
ведь за холодом последует мороз.
За горюю
за седьмою
лес листвою
манит нас;
нет покою
нам с тобою,
так споём же
ещё раз.*

*Без танцев бал пройдёт – а жаль,
ведь за каждой синей далью – снова даль.
Без исцеленья схлынет боль;
за пиковым королём – опять король.*

*Без сна идёт за часом час;
за тузом – туза другого чёрный глаз.
За горюю
за седьмою
лес листвою
манит нас;
нет покою
нам с тобою,
так споём же
ещё раз.*

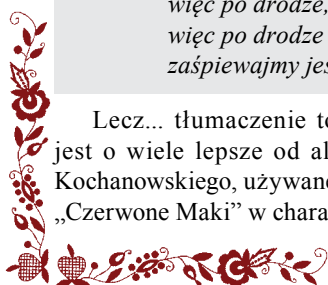
*Любовь придёт к тебе подчас,
но порою за игрою молвишь: «Пас».
За горюю
за седьмою
лес листвою
манит нас;
нет покою
нам с тобою,
так споём же ещё раз.*

Lecz... tłumaczenie to, wcale nie idealne, na mój gust jest o wiele lepsze od alternatywnego tekstu poety Igora Kochanowskiego, używanego w latach 1970-tych przez zespół „Czerwone Maki” w charakterze piosenki Osieckiej.

Autorem melodii był Seweryn Krajewski, polski

„McCartney”. Opowiem coś o Krajewskim i innych polskich „Beatles”.

Przeprowadziłem króciutki test: osoby w wieku podeszłym, które w tamtych czasach były młode, reagują na nazwisko „Krajewski” radosnym uśmiechem, natomiast dzisiejsza młodzież nie ma o Krajewskim żadnego prawie pojęcia.

НЕ УСПОКОИМСЯ

ПОЛЬСКИЕ ВЕДОМОСТИ, Краснодар, 2016, № 4 (52)

«Czerwoni» na początku kariery

Według samych muzyków zespół ten powstał 3 stycznia 1965 roku. Znała jest nawet lokalizacja – miało to miejsce w gdańskiej kawiarni „Kryształ”.

Na początku w składzie zespołu było pięciu młodych ludzi – Jerzy Kossela, Krzysztof Klenczon, Jerzy Skrzypczyk, Bernard Dornowski oraz Henryk Zomerski.

Już pod koniec tego samego roku Zomerski został zmuszony do opuszczenia zespołu (odwieczny spór armat z muzami) – miał iść do wojska. Przez cały rok afiszę zdobił pyszny pseudonim „Janusz Gorski”). Miejsce Zomerskiego w zespole zajął Seweryn Krajewski.

Zresztą los muzyka rockowego w socjalistycznej Polsce w tamtych czasach związany był nie tylko ze służbą wojskową, lecz również ze stałą presją oburzonego otoczenia.

Wyobraźcie sobie zdziwioną twarz przyszłego historyka, który na afiszu z dawnych lat znalazłby imiona Roberta Matczaka i Jerzego Gereta, zaś nie ujrzałby nazwisk Krajewskiego i Skrzypczyka.

To jest wytłumaczalne – obydwaj uczęszczali do szkoły muzycznej i nie chcieli wydalenia z niej pod zarzutem uczestnictwa w zespole rockowym.

Tymczasem w kwietniu 1965 roku zespół „Czerwone Gitary” (nazwę wybrano tak naprawdę z tej racji, że gitary mieli właśnie w tym kolorze) po raz pierwszy wykonał nagranie dla Polskiego Radia. Pod koniec następnego roku

Seweryn Krajewski i Krzysztof Klenczon

zespół wydał swoją pierwszą płytę w nakładzie aż 160 000 egzemplarzy. Niebywałym sukcesem cieszyły się również kolejne płyty zespołu. W styczniu 1969 roku na Festiwalu w Cannes zespołowi przyznano nagrodę za największą ilość swoich płyt sprzedanych we własnym kraju. Na tym samym Festiwalu oprócz *Czerwonek* taką samą nagrodę zdobył jeszcze jeden zespół – *The Beatles* z Wielkiej Brytanii.

Obydwa zespoły były bardzo podobne do siebie – zawsze na to zwracano uwagę. Siłą napędową *Czerwonych Gitar* była rywalizacja dwóch tak wybitnych kompozytorów jak Seweryn Krajewski i Krzysztof Klenczon – sprawiło to nam wiele przyjemności, cieszyliśmy się z wielu ich świetnych utworów.

Na zdjęciu od lewej – Krajewski, od prawej – Klenczon. Los Klenczona pewnie ma coś wspólnego z losem Johna Lennona – niedługo występował w składzie zespołu. Opuścił go już w 1970 roku (a jeszcze przed tym zespół porzucił Jerzy Kossela – właśnie z powodu „konfliktu prywatnego” z Klenczonem, jak później przyzna sam Kossela: „Byliśmy młodzi i bardzo głupi”). Ale i po takich stratach zespół utrzymał się – dzięki talentowi Seweryna Krajewskiego.

«The Beatles» w 1969 roku

Krzysztof Klenczon założył później swój własny zespół, aktywnie występował gościnnie w różnych krajach, zaś pod koniec lat 1970-ych na stałe pozostał w Stanach Zjednoczonych. W lutym 1981 roku w wyniku okropnego wypadku samochodowego trafił do szpitala i zmarł 8 kwietnia w Chicago. Krewni postanowili pochować go na ziemi polskiej. To się udało – prochy artysty spoczywają na cmentarzu w rodzinnym mieście Szczytno.

Nadeszły szalone lata 1980-te: „Solidarność”, Wałęsa, generał Jaruzelski, Gorbaczow... Nowi ludzie i nowe układy. Ślady po *Czerwonekach*, które w latach 1980-ych przeważnie występowały gościnnie, stopniowo zagięły. Nie chodzi o to, że obecnie zespół *Czerwone Gitary* nie istnieje. Istnieje. A nawet znane nam nazwiska – Skrzypczyk, Dornowski, Kossela są na afiszu... Zresztą nie wiadomo z jakiej racji w składzie zespołu zabrakło Krajewskiego. Zespół ma już za sobą lepsze czasy i powoli przeistacza się na własny pomnik. Zresztą prawdziwym pomnikiem pozostaje piosenka Agnieszki Osieckiej i Seweryna Krajewskiego „Nie spoczniemy”. Posłuchajcie jej!

Wg Walentyna ANTONOWA

Wspomnienia kapelana

JESTEM Ślązakiem, urodzonym 29 marca 1911 roku w Gliwicach w rodzinie maszynisty kolejowego. Wychowywałem się i uczęszczałem do szkoły powszechnej w Wodzisławiu. W roku 1930 po maturze wstąpiłem do nowicjatu Misjonarzy Oblatów Maryi Niepokalanej. W czasie studiów seminaryjnych, nosząc się z zamiarem wyjazdu na misje zagraniczne, zdobyłem dodatkowo dyplom technika dentystycznego, który – jak się okaże – wielce mi się następnie przydał.

Wyświęcony w 1937 roku na kapłana – od czerwca 1939 roku przeniesiony zostałem na własną prośbę do pracy duszpasterskiej. Pracowałem w Luninie, następnie w Łunińcu – jako wikary przy dziekanie ks. Poczobucie-Odlanickim – wreszcie od lipca 1941 roku zostałem administratorem bardzo rozległej parafii Puzicze.

W hitlerowskim więzieniu

W maju 1942 roku, na terenie oddanej mi dodatkowo w czasową administrację parafii Sosnkowicze, zostałem aresztowany przez SD (niemiecką służbę bezpieczeństwa) pod zarzutem współpracy z partyzantami i agitowania wśród młodzieży przeciwko jej zgłaszaniu się na roboty do Niemiec. Musiał ktoś widocznie donieść, że stykali się ze mną i nawet leczyli u mnie zęby partyzanci i ich dowódcy z operującej w okolicy, radzieckiej, ale bardzo mieszanej narodowościowo Brygady im. Lenina i że rzeczywiście odradzałem młodzieży wyjazdów na roboty do Rzeszy.

Przewieziono mnie do Łunińca, gdzie zamierzano bez większych ceregieli rozstrzelać, jak mi to oświadczył oficer SS. Zapobiegł jednak temu poznany ongiś w Sosnkowiczach inż. Fuerstenhaupt, b. leśnik w pińskich dobrach radziwiłowskich. Mimo iż uważał się za Niemca, czuł do mnie jakąś sympatię, gdyż pochodził również ze Śląska, toteż przez kilka dni urabiał przy kieliszku miejscowego *Gebietskomissara*. Chociaż nie wyjednał mego zwolnienia – zdołał przynajmniej spowodować odroczenie egzekucji celem uprzedniego przeprowadzenia śledztwa.

Jednym z sędziów śledczych był tam

Białorusin,
k a t o l i k ,

którego żona – lekarka – niegdyś mnie w Łunińcu leczyła. Zdołał mnie uprzedzić, że nie ma przeciwko mnie dowodów winy i radził nie przyznawać się do niczego. Niestety – śledztwo prowadził inny sędzia, sługus niemiecki (zlikwidowany później przez partyzantów), który usiłował nie tylko wymusić na mnie przyznanie się do winy, ale także i ujawnienie kontaktów z moimi parafianami z Łunińca. Niczego nie osiągnął – zostałem więc przez niemieckiego żandarma i białoruskiego policjanta odtransportowany z kolei do Baranowicz.

W Baranowiczach, w gmachu SD, musiałem się nasłuchać wielu brutalnych kpin pod adresem Polski i mego stanu kapłańskiego. Toteż nawet odetchnąłem, kiedy odprowadzono mnie do więzienia. Zamknięto mnie w pustej celi, z której dopiero co wyprowadzono więźniów⁷ na egzekucję. Nie dały mi tam zmrużyć oka wszy i pchły które rzuciły się na mnie z tobołków pozostawionych pod pryzkami przez nieszczęsnych Żydów. Nazajutrz celę oczyszczono i dostałem współlokatorów. Byli to dwaj młodzi Rosjanie obywatele radzieccy, okropnie zbici, ale wyraźnie zadowoleni, że niczego z nich w śledztwie nie wyduszono. Okazali się bardzo wesołymi współtowarzyszami, stale śpiewali różne pieśni, nieraz nawet bardzo frywolne, milkli jednak z uszanowaniem, kiedy odmawiałem moje modlitwy i różaniec. Po kilku dniach ich «sympatii» z wolności zdołali im doręczyć paczki żywnościowe, którymi dzielili się sprawiedliwie ze wszystkimi współtowarzyszami w celi. Dostawali w tych paczkach «grypsy» i sami je na odchodzącej do prania bieliźnie wypisywali.

Dozorców więziennych nadzorujących naszą celę było dwóch. Jeden z nich był Austriakiem-katolikiem i nieraz wyrażał ubolewanie, że ma wśród więźniów księdza. Nie pierwszego zresztą – uprzednio był tu więziony ks. Kubik, dziekan z Nieświeża, który został już rozstrzelany. Raz czy dwa Austriak dał mi kawałek chleba, po czym powiadomił proboszcza w Baranowiczach, że może mi przez niego dostarczać żywność. Proboszcz zaczął mi przysyłać paczki, które finansowali też mój dziekan z Łunińca ks. Poczobul-Odlanicki i ks. Grzesiak z Klecka. Obaj ci kapłani zostali później rozstrzelani przez Niemców.

Pamiętnego dnia 2 lipca 1942 roku wyprowadzono mnie rankiem na przesłuchanie do SD. Ponowiono znane zarzuty. Próbowano mi wmówić dodatkowo autorstwo ulotki, w której Polacy stawiali Niemcom zarzut germanizacji i plucia w twarz narodowi polskiemu. „Zdradziłem” nazwisko autora tego tekstu – Marii Konopnickiej. Niemiec polecił odesłać mnie do więzienia.

Przyjął mnie w bramie Austriak:

– Bogu dzięki, że ksiądz jeszcze żyje. Dziś od rana wyprowadzono i rozstrzelano nowych 20 więźniów. Tu już księdza z rejestru wykreślono. Nic tu po księdzu. – Wyprowadził mnie przez bramę rzekomo na kolejne przesłuchanie, wcisnął w rękę 20 marek.

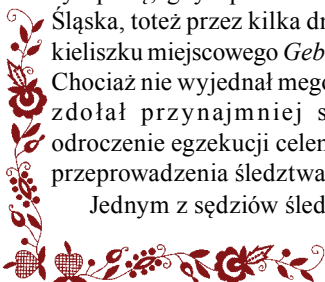
– Niech ksiądz ucieka. Z Bogiem!

W partyzantce

Co robić dalej? Byłem bez dokumentów, wyrok śmierci nadal wisiał nade mną jak zmora. Wskoczyłem na chwilę do proboszcza, doprowadziłem swój wygląd do jakiegoś takiego porządku, ofiarni współwyznawcy powiedli mnie na teren mej rozległej parafii.

Serdecznie przyjął mnie do partyzanckiego oddziału znany mi już uprzednio dowódca Brygady im. Lenina «Dzadzia Wasia». Partyzanci robili udane zasadzki na pojedynczych hitlerowców i całe oddziały, zdobywali na nich broń, zlikwidowali posterunki niemieckie w promieniu kilkudziesięciu kilometrów. Na tym wolnym terenie znajdowała się też i moja plebania w Puziczach. Leżała na Błotach Gryczyńskich, otoczonych zewsząd lasami. Schronili się w nich później i moi parafianie, którzy ocaleli z pogromu w trakcie obławy urzędzonej na partyzantów. Była to krwawa „pacyfikacja”. Niemcy otaczali wioski i pojedyncze chutory, spędzali ludzi na podwórza, do domów, stodół czy stajen, rozstrzelali wszystkich łącznie z kobietami i dziećmi, po czym palili zabudowania i trupy. W ten sposób w mojej tylko parafii spalili 18 wiosek i wymordowali wszystkich mieszkańców, którym się nie udało zawczasu zbiec, lub którzy w inny, nieraz wręcz cudowny sposób nie uratowali życia.

W kilka dni po wycofaniu się ekspedycji pacyfikacyjnej ruszyliśmy szukać pozostałych przy życiu

Ks. Wilhelm KUBSZ

Kościszkowca

mieszkańców. Świeciłem świeże mogiły, pocieszałem żywych, którzy chronili się pod naszą opieką, zostawali w naszych ziemiankach, żyli z naszych kotłów i resztek odgrzebanych w ziemi zapasów.

W każdą niedzielę odprawiałem jedną, a nieraz i po trzy Msze św., wygłaszałem słowa pocieszenia, podtrzymywałem na duchu.

Miejsce i czas nabożeństw uzgadniałem z dowództwem partyzantki. Dawali nam ochronę, wyznaczali czujki. Widzieli we mnie i w mych współwyznawcach wielokrotnie wypróbowanych przyjaciół, którym też warto z kolei pomóc. Triumfowała zasada przykładowego współistnienia i współpracy ludzi o różnych zapatrywaniach religijnych i poglądach na świat, ale solidarnych w walce ze złem, ze wspólnym wrogiem.

W ten sposób minęła ciężka zima z 1942 na 1943 rok, wypełniona nie tylko opieką nad ocalałą ludnością, ale i udanymi akcjami bojowymi, wysadzeniem niemieckich pociągów wojskowych.

Zaproszenie do Moskwy

Nadszedł maj. Którejś nocy przyszedł do mnie partyzant z Brygady z rozkazem dowódcy, bym zaraz zgłosił się do sztabu. Proszono mnie o dokładne personalia. – Komu to w takiej sytuacji potrzebne, czy to bezpieczne i celowe? – pomyślałem sobie. Odpowiedź przyszła za parę dni. Zaproszono mnie do sztabu Pińskiego Zjednoczenia Partyzanckiego. Tam z ust dowódcy gen. Komorowa czy też gen. Kleszczowa dowiedziałem się o decyzji sformowania I Dywizji im. Tadeusza Kościuszki – załóżka armii polskiej w ZSRR. Pokazano mi odnośne artykuły w dzienniku „Prawda”. Równocześnie postawiono mi propozycję, bym się udał w związku z tym do Moskwy.

– Nic was złego spotkać nie może, – zapewniano.

Poprosiłem o możliwość porozumienia się i naradzenia z moimi partyzantami. Wszyscy byli tego samego zdania, że warto pojechać do ZSRR, odwiedzić rodaków znajdujących się tam w różnych republikach. Istniała wówczas regularna komunikacja lotnicza między partyzanckim sztabem generalnym a oddziałami walczącymi na tyłach wroga. Ale na naszych podmokłych łąkach samolot nie mógł lądować. Trzeba

było pomaszzerować na lotnisko odległe o około 200 kilometrów. Dostałem ochronę z 15 partyzantów, którzy, jak to usłyszeliśmy z ust dowódcy Zjednoczenia „głową mają odpowiadać za życie księdza». Wyruszyliśmy natychmiast, chociaż przykro mi było zegnać moje ukochane Polesie, gdzie wprawdzie tyle przecierpiałem, ale gdzie też spotkałem tylu ludzi z sercem na dłoni.

Kończył się okres mej przynależności do partyzantki, trwający od 15 września 1942 roku do 5 czerwca 1943 roku – jak to stwierdzono w zaświadczeniu nr 6312 Białoruskiego Sztabu Ruchu Partyzanckiego – wystawionym już po moim powrocie z Armią Polską z ZSRR.

Po kilku dniach I nocach uciążliwego marszu, nie trafiając za to po drodze na Niemców, a tylko na partyzanckie oddziały – dobrnęliśmy do miejsca rozlokowania sąsiedniego Zjednoczenia Partyzanckiego. Wieczorem zarządzono zbiórkę na dużej polanie leśnej. Padł rozkaz: „Zdrowi wystąpić!” „Świaszczennik (to znaczy ja) – pozostać na miejscu”. Tym zdrowym polecono powyciągać z ziemi sosny wsadzone tam dla zamaskowania samolotu, który poprzedniej nocy przyleciał z Moskwy.

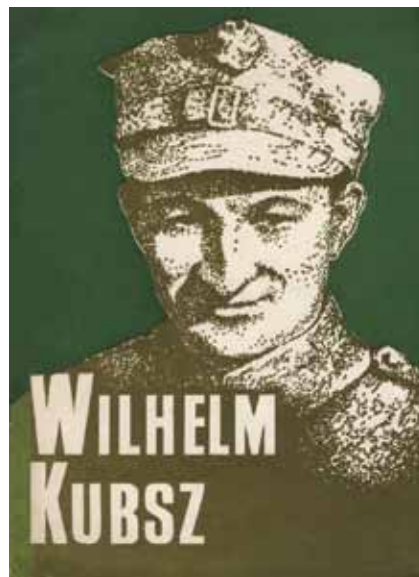
Samolotem do Moskwy

Nad ranem wylądowaliśmy na moskiewskim lotnisku. Nadjechał samochodem jakiś kapitan, zabrał mnie do wozu. W przejeździe dojrzałem Kremł – znaleźliśmy się w centrum stolicy.

W kwaterze Głównego Sztabu Partyzanckiego zobaczyłem wielu urzędujących tam generałów, pułkowników i innych oficerów. Witali się ze mną po bratersku. – Przecież wspólnie z nami walczyście z okupantem... Poczęstowali mnie śniadaniem. Było obfite i różnorodne, ale najwięcej smakował mi zwykły niekosztowany od dawna chleb i śledzie.

Okazało się, że przybycie do Moskwy zawdzięczam gen. Ponomarencze z dowództwa Sztabu Partyzanckiego. Poszedł on na rękę płk. Zygmuntowi Berlingowi poszukującemu dla Kościszkowców kapelana i wydał rozkaz sprowadzenia właśnie mnie.

Były to pierwsze dni czerwca 1943 roku. Skierowano mnie dla wypoczynku

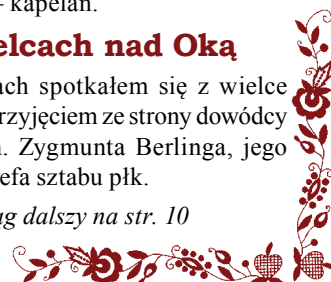
do podmoskiewskiej miejscowości letniskowej w Srebrnym Borze i ułatwiono zwiedzanie wielkiej stolicy Kraju Rad. Dowiedziałem się, że funkcjonuje w Moskwie katolicki kościół św. Ludwika. Pośpieszyłem tam w uroczystość Zielonych Świąt. Wchodząc usłyszałem sekwencję do Ducha Świętego. Podniesiony na duchu i rozradowany chciałem się przedostać do zakrystii, ale kościół był bardzo zatłoczony ludźmi. Dopiero po nabożeństwie zetknąłem się z kapelanem kościoła i ambasady amerykańskiej O. Brownem – redemptorystą. Oświadczyłem mu, że przechodzę do duszpasterstwa wojskowego, lecz mam pewne wątpliwości co do moich formalnych uprawnień. Powiedział mi wówczas, że ma pełne prawa delegata apostolskiego na ZSRR i udzielił mi kapłańskiej jurysdykcji na cały teren Związku Radzieckiego.

Dał mi również na pierwsze potrzeby opłatki na Hostię i wino mszalne. Brokatowy ornat pochodzący ongiś z moskiewskiego kościoła Św. Piotra i Pawła wydano mi ze stołecznego Muzeum. Albę uszył mi krawiec dywizyjny, koronki zaś przy niej wycięły dziewczęta należące do Batalionu Kobiecego im. Emilii Plater. Nastąpiło to już jednak w kilka dni później, kiedy z końcem czerwca 1943 roku znalazłem się w Sielcach nad Oką wśród żołnierzy I Dywizji im. Tadeusza Kościuszki jako jej dziekan – kapelan.

W Sielcach nad Oką

W Sielcach spotkałem się z wielce życzliwym przyjęciem ze strony dowódcy Dywizji gen. Zygmunta Berlinga, jego zastępcy i szefa sztabu płk.

Ciąg dalszy na str. 10

Wspomnienia kapelana

Początek na str. 8

BOLEŚLAWA Kieniewicz, zastępca dowódcy Dywizji do spraw polityczno-wychowawczych mjr. Włodzimierza Sokorskiego, mego krajana Włodzimierza Stahla, ówczesnego dyrektora Klubu I Dywizji (obecnego dyrektora Opery Śląskiej w Bytomiu) i wielu innych oficerów z dowództwa Dywizji.

Przed wszystkim trzeba było pomyśleć o kaplicy. Oddano mi na ten cel jeden z nielicznych domków służących niegdyś celom lotniskowym. Adaptacji budynku podjął się i przeprowadził ją inż. Sigalin, ówczesny adiutant dowódcy I Dywizji. Udekorował kaplicę obrazami malarz Tobera, w czym pomagał mu rzeźbiarz, Rosjanin polskiego pochodzenia – Puzerewski. W części centralnej ołtarza znalazł się obraz Matki Boskiej na tle Orła Białego, po prawej – scena z martyrologii narodu, po lewej – wizja wskrzeszenia Polski – grób pod strażą żołnierzy, sztandar narodowy i unoszący się nad grobem Zmartwychwstały Chrystus. Całość wyglądała bardzo nastrojowo. Przed kaplicą na obszernej polanie mogła się pomieścić cała Dywizja.

W rocznicę bitwy pod Grunwaldem 15 lipca odprawiłem przed tym ołtarzem pierwszą Mszę św. dla naszych żołnierzy i licznie przybyłych delegacji. Śpiewano pieśni religijne i religijno-patriotyczne, przygrywała dobrze wyćwiczona przez Miszołowicza potężna orkiestra dęta pod batutą Cajmera. Żołnierze śpiewali, ale i mocno szlochali. Znaczna część żołnierzy i większość Batalionu Kobiecego przystąpiła do Komunii św. Po skończonym nabożeństwie doszły mnie uwagi kilku służących mi ochotniczo do Mszy św. żołnierzy. – „A jednak umie odprawiać...» Uderzyły mnie te ich wypowiedzi. Zastanowiłem się, czy chodzi im o to, że mogłem zapomnieć ceremonii w więzieniu lub lasach, czy też mają na myśli coś innego. Sprawa wyjaśniła się znacznie później – dopiero podczas postoju na marszu pod Lenino. Podeszła wówczas do mnie grupa żołnierzy, wystąpił jeden z nich odważniejszy, zameldował się przepisowo i przeprosił za dotychczasową nieufność. Przepuszczali po prostu, że tylko

podszycam się pod kapłana i sprawdzali moje kwalifikacje i postawę. Znalazł się też w Dywizji brat mego sąsiada z Łunińca ks. Małachowskiego, który stwierdził moją autentyczność. Gwarantował ją też kpt. Stahl i reżyser żołnierskiego teatru Walden twierdząc, że mnie «nie wyreżyserował». Zaufał mi też od początku Batalion Kobiecy.

Wracam do uroczystości w dniu 15 lipca. Po nabożeństwie miałem zaszczyt odbierać od dowództwa z gen. Berlingiem na czele, od oficerów i żołnierzy całej Dywizji uroczystą przysięgą żołnierską, zakończoną słowami «Roty» – «Tak mi dopomóż Bóg». Następnie odbyła się defilada przed trybuną ozdobioną flagami sojusznicy państw: polska, radziecka, amerykańska, francuska i brytyjska, malowanymi przez Włodzimierza Stahla na prześcieradłach czerwonym i niebieskim atramentem. Znalazłem się na trybunie obok zastępcy dowódcy do spraw polityczno-wychowawczych mjr. Włodzimierza Sokorskiego, z którym współpracowałem w atmosferze wzajemnego zrozumienia i życzliwości.

Odtąd każdego dnia odprawiałem Mszę św. i słuchałem spowiedzi, z początku w kaplicy polowej, a następnie w jednostkach. W niedzielę odprawiałem nieraz po trzy Msze św., by wszyscy chętni mogli uczestniczyć w nabożeństwie. Zdarzały się wzruszające chwile udzielania chrztu lub wysłuchiwanie spowiedzi i udzielania Komunii św. żołnierzom, przygotowywanym do tych Sakramentów przez kolegów.

Dowiedziawszy się od jednego z oficerów, że pojedzie do Kujbyszewa po pozostawione tam skrzynie z medykamentami i że podobno są tam też skrzynie z paramentami – poprosiłem go o przesłanie mi tych skrzyń do Dywizji. Chętnie spełnił moją prośbę. Samych mszalików różnego formatu było tam kilkanaście tysięcy, ponadto wiele tysięcy krzyżyków i medalików, kilkanaście mszałów oraz kompletów ornatów i kielichów. Wszystko to wielce się przydało. Otrzymane mszaliki żołnierze nieraz przesyłali swym rodzinom, toteż ciągle przychodzili po nowe.

Ciągle przybywali do Dywizji nowi żołnierze. Słyszac rozbrzmiewający w południe hejnał mariacki nie jeden z nich płakał.

Tymczasem zbliżała się czwarta rocznica wybuchu drugiej wojny światowej. Wszyscy żołnierze byli już po przysiędze i manewrach. Wiadomo było, że niebawem weźmiemy udział w akcji bojowej.

Przed bitwą pod Lenino

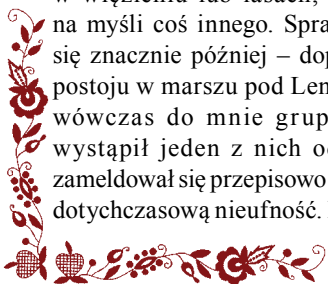
Ruszyliśmy na front. A więc już bliżej Ojczyzny. Na stacji Jarcewo pod Smoleńskiem znalazł się czas na odprawienie nabożeństwa. Wystawiliśmy prowizoryczny ołtarz połowy, rozpocząłem pod sosną celebrować Mszę św. Prosił Boga o opiekę, o zwycięstwo, o możność powrotu do Ojczyzny. W momencie Podniesienia, niemal nad naszymi głowami rozegrał się raptem bój powietrzny. Kule przeszywały gałęzie i liście nad nami, wszyscy jednak wytrwali w spokoju i skupieniu do końca Mszy św. – i wyszli bez szwanku.

W trakcie postojów żołnierze gorliwie się spowiadali. Korzystałem wówczas z oddanego mi do dyspozycji samochodu, aby dotrzeć do wszystkich jednostek i wyspowiadać wszystkich chętnych przed szycującą się bitwą.

Znaleźliśmy się w strefie przyfrontowej. Przed południem, 11 października 1943 roku powiadomił mnie gen. Berling o czekającym nas jutro natarciu. Trzeba było przygotować moralnie żołnierzy.

Spieszac tego przedpołudnia do żołnierzy zdawałem sobie sprawę, że długo zapewne pozostanie mi przebywać w przyfrontowej strefie, tym bardziej, że niektóre jednostki znalazły się już na wysuniętych pozycjach. Artylerzyści ustawili działa i przygotowali się już do wykonania swego zadania. Obszedłem w ten sposób wiele jednostek, wśród nich żołnierzy II Pułku Piechoty, którego zastępcą dowódcy do spraw polityczno-wychowawczych był wówczas kapitan Marian Naszkowski, a lektorem pułkowym Edward Ochab.

Kiedy doszedłem do stanowisk I Pułku Piechoty — już się ściemniło. Żołnierze znajdowali się w okopach, w odległości zaledwie jakichś 600 metrów od nieprzyjaciela kryjącego się w dolinie Mierei. Trzeba było zachowywać się cicho i ostrożnie, gdyż Niemcy na dźwięk naszych głosów lub też dostrzegając

Ks. Wilhelm KUBSZ

Kościuszkowca

jakieś nasze poruszenia natychmiast oświetlali teren racami na balonikach i wysyłali ku nam długie serie z karabinów maszynowych. Żołnierze i oficerowie radzili mi przerwać moje czynności kapłańskie choćby na parę godzin.

Około północy zaproszono mnie do sztabu pułkowego. Wszyscy byliśmy bardzo głodni. Od rana zdążyłem zjeść tylko parę zabranych ze sobą na obchód sucharków. Zebrali się oficerowie z dowództwa I Pułku, wśród nich ówczesny zastępca, a późniejszy dowódca tego Pułku Leonard Borkowicz. Któryś z oficerów przyniósł trochę konserw...

Była już chyba druga po północy, gdy podziękowawszy za serdeczne przyjęcie poszedłem kontynuować swą pracę duszpasterską. Na linii spotkałem kpt. Juliusza Hibnera (obecnego generała, wówczas – zastępcę dowódcy Pułku) i ppor. Henryka Wenera, redaktora dywizyjnej gazety «Żołnierz Wolności», do której redagowałem dodatek pt. «Bóg i Ojczyzna». Razem z tymi oficerami poszliśmy linią okopów do końca stanowisk I Batalionu I Pułku Piechoty.

Bitwa

Naraz zaczyna grać artyleria, żołnierze sprężają się do skoku. Rozbłyśka czerwona rakietka sygnałowa i Batalion rusza do natarcia.

Poszedłem i ja. Dopadli mnie jednak później kpt. Hibner i ppor. Werner i zmusili bym dołączyć do Sztabu.

Wrywam się jednak na linię, gdyż czeka mnie wiele roboty.

Są już pierwsi ranni. Udzielam im zaopatrzenia duchownego i szukam dalszych rannych. Są, nie brak też i zabitych.

Bój zwiadowczy nie przynosi na razie spodziewanego sukcesu – następuje przerwa do około 3-ej rano.

Po ponownym, tym razem wręcz huraganowym przygotowaniu artyleryjskim, nasza piechota znów rusza do natarcia. I ja więc spieszę do rannych. Najpierw na samym polu bitwy, następnie w szpitalnych namiotach dokąd zaczynają przewozić rannych żołnierzy.

Krążę między pryzcami. Kilkakrotnie prosi mnie do siebie por. Czarkowski. Jest śmiertelnie

ranny – nie zdaje sobie jednak z tego sprawy, dopytuje się o gen. Berlinga, o nasz sztandar – czy go czasem nie dostali w swoje ręce Niemcy. Wkrótce umiera. Inny ranny, leżący już na stole operacyjnym – płacze. Nie chce pozwolić na amputację nogi – pragnąłby wrócić do swoich nie jako kaleka. Pytam się dr. Zajączkowskiego czy zachodzi bezwzględna konieczność amputacji. – Spróbuję mu zostawić tę nogę, skoro ksiądz tak nalega – decyduje się doktor. Ryzyko opłaciło się, spotkałem później tego żołnierza w Moskwie już jako rekonwalescenta. Chodził jeszcze o kulach, ale na obu nogach.

Współczuję lekarzom, którzy pracują już od blisko 30 godzin i ledwie trzymają się na nogach. Przynoszę ze swego samochodu pudełko dobrej kawy. Dobrze robi nam wszystkim.

Ale wypoczynek trwa niedługo. Dowożą nowych rannych. Patrzę na jednego z nich – czy to chłopiec czy dziewczyna? – Dziewczyna – słyszę cichą odpowiedź. Przywykł już człowiek do widoku rannych i cierpiących, ale patrząc na tę naszą fizylierkę – ścisnęło się serce. Inne w jej wieku tuła się jeszcze do swych mamus a ta – tyle już przeszła w swym krótkim życiu i jeszcze teraz – to kolano... Udzielam jej Sakramentów św., i proszę ordynansa, by jej przyniósł trochę masła, cukru i konserw, zaś dla pozostałych żołnierzy – tytoniu. Gen. Berling ofiarował mi dla nich cały worek, było więc z czego rozdawać.

Znów nowi ranni. Każdego pytam czy jest katolikiem i czy chciałby się wypowiadać. Każdego bez względu na wyznanie staram się pocieszyć i podtrzymać na duchu.

Miałem do czynienia nie tylko z rannymi – trzeba też było grzebać poległych. Nie zawsze korzystałem z pomocy plutonu pogrzebowego, wystarczała mi pomoc moich bezpośrednich współpracowników – krzepkiego kierowcy, sierżanta Apolinarego Skoczka i mej prawej ręki, chor. Jana Wróbla – dziś dyrektora Liceum w Świebodzinie. Nigdy nie czuli się zmęczeni, zawsze byli gotowi do największych wysiłków i poświęceń.

Po dwóch dniach ciężkich zmagañ Dywizję odwołano z linii frontu – na zasłużony odpoczynek.

Na śnieżnym szlaku

Nadal odprawiam regularnie nabożeństwa przy licznych udziale żołnierzy, pisuję artykuły religijne do naszej dywizyjnej gazety. Od Adwentu 1943 roku kącik religijny w «Żołnierz Wolności» przekształca się w odrębne czasopismo pod tytułem «Bóg i Ojczyzna». Żołnierze rozsyłają je nieraz także do swych rodzin rozsianych po całym obszarze ZSRR, w związku z czym napływa do mnie wiele ciepłych, nieraz wstrząsających listów i zaproszeń do odwiedzin z Mszą św., i Sakramentami. Muszę jednak pozostawać przy mojej Dywizji, która zostaje w ciągłej gotowości bojowej i w oczekiwaniu ofensywy. Formuje się już także II Dywizja w naszych «rodzinnych» Sielcach.

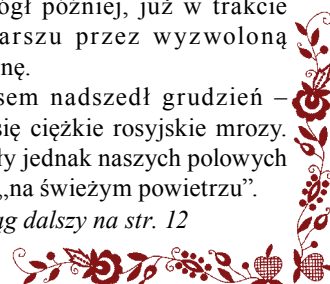
Odwiedzam ich tam w dniu 11 listopada, uczestnicząc w ceremonii przysięgi, odbieranej od nowo zaciężnych przez ks. Antoniego Lopacińskiego. Uprzednio był on kapelanem Dywizji Łotewskiej walczącej u boku Armii Czerwonej. Odszukałem go następnie rannego w moskiewskim szpitalu i korzystając z moich uprawnień generalnego dziekana skierowałem go na kapelana do naszej II Dywizji wchodzącej w skład formującego się w ten sposób I Korpusu Polskich Sił Zbrojnych w ZSRR. Dzisiaj ks. Łopaciński jest proboszczem w Leśnej k/Lubania na Dolnym Śląsku.

W Sielcach stykam się wówczas po raz pierwszy z gen. Karolem Świerczewskim dowódcą II Dywizji. Przyjmuje mnie bardzo życzliwie, zaprasza gościnnie do siebie „na mleczko”, które się mleczkiem nie okazuje, długo ze mną gawędzi.

Opowiada o swych bojach w Hiszpanii, podkreśla, że nie prowadzono tam walki z wiarą, Kościołem czy klerem jako takim, i że podział stron walczących miał tam charakter jedynie i wyraźnie klasowy. Odtąd nieraz jeszcze miewałem okazję kontaktów z gen. Walterem. W czasie moich dość częstych bytności w Moskwie korzystałem z gościnności generała i jego rodziny, nocowałem tam nieraz i odwożony bywałem następnie do jednostki jego samochodem. Wiele też mi pomógł później, już w trakcie naszego marszu przez wyzwoloną Lubelszczyznę.

Tymczasem nadszedł grudzień – rozpoczęły się ciężkie rosyjskie mrozy. Nie przerwały jednak naszych polowych nabożeństw „na świeżym powietrzu”.

Ciąg dalszy na str. 12

Wspomnienia kapelana

Początek na str. 8

RAZ z trudem dobrnąłem do końca Mszy św. Przemarznięty, u kresu sił, zdołałem jeszcze krótko przemówić po nabożeństwie i zaintonować „Boże, coś Polskę», lecz nie wytrzymałem już jak zwykle przy ołtarzu do końca pieśni, lecz szybko schroniłem się do chaty, o której ścianę oparty był ołtarz. Podziwiałem wówczas żołnierzy, że wytrwali na mrozie do końca, minio iż jeszcze bardziej byli wystawieni na przesywający do szpiku kości wiatr. Zasłabłem wówczas i musiano wezwać lekarza. Troskliwie zaopiekował się mną wtedy zastępca dowódcy ppłk. Eugeniusz Szyr, który też przydzielił mi później kilku żołnierzy z łopatami bym się mógł przebić przez zwały śniegu do mego miejsca postoju.

Innym razem, w czasie Mszy św., już po Ofiarowaniu, zaczęły nam padać na odkryte głowy ciężkie płaty śniegu. Usłały się grubą warstwą na ołtarzu tak, iż musiałem przykryć Hostię pateną. A żołnierze stali twardo. Po nabożeństwie, odwracając się ku nim dla wygłoszenia kazania, ujrzałem niesamowity widok. Nieomal każdy z żołnierzy miał na sobie grubą warstwę śniegu upodabniając się do ulepionych ze śniegu niekształtnych figur. Tylko oczy im promieniały spod śniegowych czap. Śnieg zaś prószył i prószył – jeszcze i przez całe kazanie.

Zbliżała się Gwiazdka – pierwsza wspólna wigilia Kościuszkowców. Przebywaliśmy wprawdzie na względnie spokojnym zapleczu frontu ale z przygotowaniem tradycyjnych potraw na tę wigilię było trudno. Nasz kwatermistrz – mjr. Wiśniewski prosił mnie więc, bym razem z nim pojechał w tej sprawie do Kwatermistrzostwa Tylów Armii. – Księdzu przecież Sowietci niczego me odmówią... Po całonocnej jeździe willisem, – a noc była wyjątkowo mroźna – dojeżdżamy do celu. Gen. Sacharow przyjmuje nas z istic rosyjską gościnnością. Rozgrzaliśmy się, wzmocniliśmy siły – przystępujemy do sprawy.

– Świeżych karpie już chyba nie dostaniemy, za późno... Ale czego wam jeszcze potrzeba? A może by tak z 50 hektolitrow wódki? – pyta wyrozumiale g e n . Sacharow.

Otwieram usta, by zaprotestować, że to za dużo – ale w tym momencie kopie mnie delikatnie pod stołem mjr. Wiśniewski. Dostajemy wódkę i wiele innych produktów. Gen. Sacharow postarał się dotrzymać swej obietnicy, że nasi żołnierze będą mieli na wigilię niemal to wszystko co w rodzinnych domach.

Parę ostatnich dni przed wigilią poświęciłem na wysłuchiwanie spowiedzi. Rankiem w dniu wigilii pojechałem do saperów. Zatrzymały w drodze mój samochód kilkumetrowej wysokości zasy py śnieżne. Musiałem się na nie wdrapywać nieomal na czworakach, pocieszając się, że podobne trudności muszą mieć także misjonarze wśród Eskimosów.

Wieczorem zbieramy się na wigilijną wieczerę w obszernej chatie we wsi pod Smoleńskiem, gdzie kwaterował sztab naszej dywizji. Dzielimy się skąpymi okruchami opłatka, cieszymy się tradycyjnymi potrawami, śpiewamy kolędy, snujemy marzenia – i wspomnienia.

Jeden z kolegów, który całe życie spędził w ZSRR, opowiada jak to zeszedł zimy leżał o tej porze na śniegu pod Stalingradem maskując się przed wrogiem białym płaszczem. Z pierwszą gwiazdką ruszył na zwiad nucąc sobie w myślach stare nasze kolędy. Zaśpiewał je i nam – a znał takie, których nie ma już nawet w śpiewniku ks. Siedleckiego.

Wędrujemy następnie od chaty do chaty dzieląc się opłatkiem z żołnierzami. Wszędzie ten sam miły serdeczny nastrój gwiazdkowy. Wszyscy się czujemy bardzo sobie bliscy, wszyscy odczuwamy duchową obecność naszych rodzin.

Zbieramy się następnie na pasterce. Daleko w świat niesie nasze kolędy odgłos potężnej dętej orkiestry.

W duchu solidarności

Na Sylwestra jadę z kpt. Hibnerem i innymi kolegami odwiedzić naszych rannych w moskiewskim szpitalu. Trafiamy na bal maskowy rekonwalescentów. Cieszymy się, że nasi chłopcy odzyskują zdrowie i wigor. Wielu żołnierzy przekazuje mi adresy swych rodzin rozsianych w ZSRR.

W trakcie sylwestrowego pobytu w Moskwie złożyłem też wizytę prawosławnemu Metropolicie

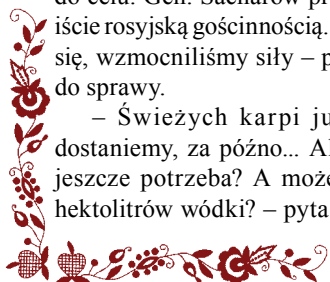
Moskiewskiemu – Mikołajowi. Przyjął mnie bardzo życzliwie, gratulował postawy naszego wojska i mego odznaczenia orderem radzieckim Wojny Ojczyźnianej drugiego stopnia przyznany mi rozkazem Rady Najwyższej ZSRR za zachowanie się pod Lenino, ofiarował mi też 50 butelek wina mszalnego na potrzeby liturgiczne. Nie był to jedyny przejaw ekumenicznej postawy prawosławnego duchowieństwa wobec kapłana katolickiego.

W dzień Nowego Roku 1944 powiadomiono mnie i kpt. Hibnera, że możemy skontaktować się z Polakami wcielonymi ongiś przymusowo do *Wehrmachtu* którzy dostali się następnie do niewoli radzieckiej i przebywają w osobnym obozie jenieckim pod Moskwą. Już na dworcu Rzewskim zauważyłem, że zapomniano mi zapakować na drogę albę. Zaszedłem więc do cerkwi przy dworcu, gdzie przyjął mnie serdecznie tamtejszy „batuszka” i chętnie pożyczył swej alby na „Bogusławienie”.

Zajechaliśmy do obozu, odprawiłem tam Mszę św. i przemówiłem do Ślązaków dodając im otuchy i nakłaniając by zgłaszali się do naszych szeregów. Wśród jeńców był ks. Alojzy Dudek ze Śląska. Zapewnił mnie, że wszyscy chcą przejść do Wojska Polskiego. Rzeczywiście, z tych żołnierzy sformowano następnie III Dywizję, której kapelanem został właśnie ks. Dudek.

Pomimo złamania w wypadku zebra, dalej, po powrocie z Moskwy na Smoleńszczyznę, odprawiam nabożeństwa i uczestniczę w manifestacjach patriotycznych, m. in. za spokój duszy gen. Wł. Sikorskiego. Bierze mnie za to na żer hitlerowska propaganda i poświęca mi pełną nienawiści wzmiankę urzędowy organ NSDAP - «Voelkischer Beobachter». Odbija się to, niestety, na losie przebywającego na Śląsku mego staruszka ojca, który – jak się później dowiedziałem – trafia do więzienia w Rybniku.

23 lutego (rocznica powstania Armii Czerwonej) i dzień następny obchodzone były w 1944 roku jako dni żołnierzy – Słowian. W uroczystej akademii w Sali Kolumnowej Domu Związków przy Placu Czerwonym w Moskwie wzięły udział delegacje wszystkich jednostek słowiańskich walczących wspólnie z Armią Czerwoną przeciwko

Ks. Wilhelm KUBSZ

Kościuszkowca

Niemcom hitlerowskim, a więc delegacje Polskiego I Korpusu, Sił Zbrojnych Czechosłowackich i Jugosłowiańskich. Przewodził gen. lejtnant Aleksander Gundorow, przewodniczący Komitetu Wszechsłowiańskiego. Z Polaków przemawiał gen. Zygmunt Berling i chorąży Irena Hankiewicz. Wreszcie zabrałem głos i ja, jako jeden z dwóch obecnych tam duchownych. Drugim był prawosławny kapelan jugosłowiański, mjr. Dymitr Cwiertow.

Wielkanoc na Ukrainie

Wracam z Moskwy do swego korpusu na Smoleńszczyznę. Pozostajemy już tam niedługo. Przerzucają nas na Ukrainę. Cieszymy się — zawsze to już bliżej domu... Sztab nasz staje w Chopniowie, pułki zostają rozmieszczone w różnych, nieraz dość odległych od siebie miejscowościach. Miejscem naszego postoju jest wioska w pobliżu Żytomierza. Zastajemy tu wysadzony częściowo w powietrze przez odchodzących Niemców po franciszkański klasztor i kościół. Spod białej farby ocalałego frontonu wylaniają się zarysy postaci Niepokalanej z półksiężycem u Jej stop i z polskim poniżej napisem: «Z Twoich darów – Tobie ofiar».

Żołnierze oczyścili jako tako pozbawione dachu wnętrze zrujnowanej świątyni i odprawiliśmy tam nabożeństwo do którego przygrywała dywizyjna orkiestra. Licznie się stawiła okoliczna ludność. Wiele z tych osób przypominało mi się później już w kraju.

Korzystaliśmy też z kościoła katolickiego w Żytomierzu, niezależnie od nabożeństw polowych w lasach, w których rozlokowane były liczne nasze jednostki wzbogacone o świeżych rekrutów nadciągających spod Zbaraża, Tarnopola itp.

Główne wielkanocne nabożeństwo, przy którym przygrywała dywizyjna orkiestra, odprawiłem w Berdyczowie, drugą Mszę św. w Kodni, trzecią już w warunkach polowych.

Spotkanie z ks. Orlemańskim z USA

Z końcem marca zwrócił się do mnie gen. Berling z prośbą bym uczestniczył w przywitaniu założyciela Ligi Kościuszkowskiej wśród Polonii w USA, ks. Orlemańskiego, który

przyleciał ze Stanów Zjednoczonych z misją dobrej woli. Musiałem udać się w tym celu do Sum na Ukrainie, gdzie, jak dawniej w Sielcach nad Oką, formowały się nasze następne dywizje wchodzące w skład I Korpusu Polskich Sił Zbrojnych. Po wielu perypetiach (zabrakło nam benzyny i radziecki pilot nie znał trasy przelotu) doleciałem samolotem typu UT-2 na lotnisko w Sumach – już po zapadnięciu ciemności. Gen. Świerczewski usłyszawszy warkot krążącego nad koszarami samolotu, polecił wysłać samochód po niespodziewanych gości – rychło więc znalazłem się na jego kwaterze. Był tam już, zabawiany przez gościnnego jak zawsze i pełnego humoru gospodarza, ks. Orlemański a z nim, wśród wielu naszych oficerów, ks. kpt. Tadeusz Fedorowicz, wielkiej zacności człowiek i kapłan, który po wielu ciężkich przeżyciach osobistych został przez nas wciągnięty do duszpasterstwa wojskowego. Korzystając z moich uprawnień dziekana formującej się już I Armii WP (funkcję kapelana mej macierzystej I Dywizji przekazałem tymczasem ks. kpt. Janowi Śpiewakowi, b. więźniowi hitlerowskiemu i b. kapelanowi wołyńskiej brygady AK) – skierowałem ks. Fedorowicza na stanowisko kapelana nowo powstającej IV Dywizji.

Ks. Orlemański przyjechał z Moskwy pociągiem specjalnym przydzielonym mu przez rząd ZSRR. Na noc zabrał mnie do swej «salonki» i wiele godzin poświęcił mi na rozmowę. Wyrażał m. in. radość, że los ludności polskiej na terenie ZSRR uległ tak zasadniczej poprawie z chwilą sformowania naszej I Dywizji. Nazajutrz wygłosił patriotyczne przemówienie dla naszych żołnierzy i otrzymał od nich pamiątkowy dyplom, na którym i ja złożyłem swój podpis.

Z rodakami

Niebawem nasze wojsko znów zmienia miejsce postoju. Jedziemy na Wołyń. Jak serdecznie witają rodacy żołnierzy w polskich mundurach i ich kapelana. Łzy rozczulenia, kwiaty, wzruszające rozmowy... Ludność tłumnie uczęszcza na nasze nabożeństwa. Szeregi naszego wojska poszerzają się o nowych rekrutów – formują się nowe jednostki w składzie I Armii.

Również miejscowe duchowieństwo katolickie pozostaje z nami w serdecznym kontakcie. Ks. biskup Antoni Szelażek z Łucka udziela mi jurysdykcji kościelnej i godzi się chętnie na rekrutację z jego diecezji nowych kapelanów dla naszej Armii. Zgłasza się wówczas wielu, wśród nich ks. Mościński i ks. Antoni Lemparty z diecezji lwowskiej, ks. ks. Sasiadek, Dydek, Zabiegło i bernardyn ks. Folta z diecezji łuckiej. Ks. biskup Szelażek godzi się także chętnie na zorganizowanie dla kapelanów rekolekcji duszpasterskich, tak potrzebnych nam wszystkim dni skupienia wewnętrznego. Konferencję prowadzi ks. kanonik Bukowiecki – proboszcz katedry w Łucku, ostatnią zaś naukę wygłasza sam ks. biskup. Mówi nam wiele o obowiązku poświęcenia, o postawie kapelana i jak najbardziej pozytywnie ocenia nasze funkcje błogosławiąc na zakończenie nam i naszym żołnierzom. Przysłała też swego delegata na uroczystość poświęcenia sztandaru nowej naszej jednostki, interesuje się również żywo projektami programu szkolnego nauczania religii.

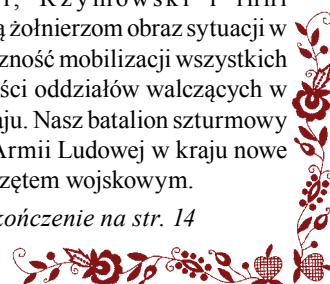
Jadę z tymi projektami do Moskwy na kolejne zebranie członków Prezydium ZPP. Na zebraniu poznaję członków przybyłej z kraju delegacji KRN, wśród nich generała broni Michała Rolę Żymierskiego, inż. Mariana Spsychalskiego, Edwarda Osóbkę-Morawskiego, Wincentego Rzymowskiego, Kotka-Agrozewskego, Hannemana i innych.

Omawiana jest oczywiście konieczność podporządkowania się wszystkim polskich jednostek Krajowej Radzie Narodowej i połączenia Polskich Sił Zbrojnych w ZSRR z Armią Ludową w kraju w jednolite Wojsko Polskie.

Zabierając głos postuluję m. in. potrzebę stworzenia ekspozytur ZPP na Zachodniej Ukrainie i Białorusi dla zaopiekowania się rodakami pozostającymi na terenach wcielonych do ZSRR a zwłaszcza dla zabezpieczenia naszej młodzieży możliwości przedostania się w naszych szeregach do kraju.

Delegacja krajowa odwiedza nas także na Wołyniu. Osóbka-Morawski, Spsychalski, Rzymowski i inni przedstawiają żołnierzom obraz sytuacji w kraju, konieczności mobilizacji wszystkich sił, solidarności oddziałów walczących w ZSRR i w kraju. Nasz batalion szturmowy szykuje dla Armii Ludowej w kraju nowe zrzuty ze sprzętem wojskowym.

Dokończenie na str. 14

Wspomnienia kapelana

Początek na str. 8

Nareszcie w Ojczyźnie

Z Wołynia ruszamy już z całą naszą I Armią, której jestem dziekanem. Wkraczamy do Chełma Lubelskiego. Cóż za entuzjastyczne powitanie! Dziewczęta obrzucają nas kwiatami – nieraz muszę wskazywać na krzyżyki widniejące na kołnierzu mego kapelańskiego munduru, by się obronić przed ich nazbyt serdecznymi całusami. Odprawiam uroczyste nabożeństwo. Następuje manifestacyjne spotkanie żołnierzy i ich dowódców z ludnością miasta.

Przez Piaski maszerujemy do Lublina. Jak nas tam witano z radością i łzami wzruszenia, jak obdarowywano kwiatami, papierosami, żywnością – nie da się opisać. Odprawiamy uroczyste nabożeństwa, ja najczęściej w kościele OO. Dominikanów. Uczestniczę w manifestacyjnym pogrzebie zwłok ofiar pomordowanych przez hitlerowców na Zamku Lubelskim i celebruję Mszę żałobną w obozie śmierci na Majdanku. W czasie uroczystej defilady wojskowej odbieranej przez naczelnego wodza gen. Michała Rolę-Żymierskiego wspólnie z gen. Zygmunt Berlingiem, jestem na honorowej trybunie między przewodniczącym PKWN, Bolesławem Bierutem i ówczesnym ambasadorem Związku Radzieckiego w Polsce, generałem (późniejszym marszałkiem) Bułganinem.

Nawiązuję kontakt z Kurią Lubelską, z administratorem diecezji ks. Kruszyńskim i jego kanclerzem. Uzyskuję jurysdykcję kościelną dla siebie i wszystkich podległych mi, jako generalnemu dziekanowi Wojska Polskiego kapelanów, proszę o możliwość rekrutacji nowych kapelanów i o dostarczenie sprzętu liturgicznego. Prócz księdza Stanisława Warchałowskiego, przedwojennego kapelana wojskowego, który zgłosił się jeszcze w Chełmie, przybywają ponadto ks. Andrzej Wystrychowski, ks. Stanisław Kałuża (dziś już nieżyjący), ks. Mikołaj Pułacz (obecnie kapelan w Lublinie), ks. Edward Zarzycki i franciszkanin O. Marek. Dwaj ostatni trafili pod Budziszynem do niewoli niemieckiej i mieli być rozstrzelani przez hitlerowców. Ks. Zakrzewski zginął, a O. Marek, chociaż ciężko ranny, zdołał się uratować.

D o c h o d z ą
k s . k s .

Ławrynowicz, Kaprański, Mazurek, Bartkowiak, Zebrowski, Mrugacz, Gniwek, Domański, Witkowski, Rdzanek, O. Dominik z Zakonu OO. Dominikanów i inni. Później pod Warszawą liczba tych kapelanów dojdzie do około 50.

Przez Wisłę

Znany jest dobrze nasz dalszy szlak bojowy – nie będę się nad nim rozwodził. Ruszyłem dalej, formalnie przy sztabie Naczelnego Wodza, faktycznie – śpiesząc tam, gdzie brakowało w danej chwili kapelana. Utkwiło mi w pamięci z tego okresu jeszcze jedno spotkanie z gen. Świerczewskim. Miałem pojechać na nabożeństwo w lasach na Podlasiu, o ile sobie przypominam – w związku z przysięgą nowo zaciężnych. Wyjechałem z Lublina przydzielonym mi „Willisem”, ale za Lubartowem miałem defekt dwóch opon, więc przygodnym samochodem wróciłem do Lubartowa, gdzie stał

sztab II Armii pod dowództwem Świerczewskiego. Zawsze mnie on zapewniał, bym w wypadku potrzeby liczył na jego pomoc. Spieszę więc na jego kwatery. Jest wczesny ranek, adiutant mówi mi, że generał jeszcze odpoczywa. – Proszę go więc nie budzić – wycofuję się. Ale adiutant na to: – Muszę zameldować, że ksiądz tu był. Generał zawsze uważał księdza za przyjaciela i będzie miał żal, że go nie obudziłem. Skoczył do sąsiedniej izby, za chwilę z portkami w garści wychodzi do mnie gen. Walter. – Co, psiakrew, wam się stało, księżę dziekanie? – Wyjaśnij, jak bardzo mi śpieszno na nabożeństwo. – Samochodem już nie zdążysz – odpowiada mi generał i zwraca się do adiutanta: – Telefonuj na lotnisko, każ przygotować mój samolot, niech się natychmiast zgłasza mój kierowca, by księdza podrzucić do samolotu. – Popatrz na mapę. – Zawiadom jednostkę na Podlasiu o miejscu lądowania, żeby

ŻYCIORYS KS. WILHELMA KUBSZA

Wilhelm Kubsz urodził się 29 marca 1911 roku w Gliwicach. Pochodził z wielodzietnej rodziny Karola Kubsza, niemieckiego urzędnika kolejowego, oraz Jadwigi Kubsz z domu Szek. Wychowywany w poczuciu polskości. Przodkowie rodziny brali czynny udział w powstaniu wielkopolskim w 1848 roku. Przez nieukrywanie swojej polskości urzędnik wraz z rodziną musiał bardzo często zmieniać swoje miejsce zamieszkania – władze niemieckie w ten sposób próbowały złamać ich poczucie narodowości. Kubszowie na stałe osiedlili się w Wodzisławiu Śląskim, gdzie Wilhelm, przyszły ksiądz, pobiera nauki w niemieckiej szkole powszechnej. Kończąc ostatnią, siódmą klasę, już wie, co chce robić w przyszłości. Można pokusić się o stwierdzenie, że na jego decyzję wpływ miał wujek, Jan Kulawy. Był on założycielem Zgromadzenia Oblatów Maryi Niepokalanej w Polsce.

Pierwszy klasztor znajdował się w Krotoszynie, lecz w późniejszym okresie przeniesiony został do Lublińca oraz przemianowany na niższe seminarium. Drugi klasztor powstaje w Markowicach. W 1924 roku Wilhelm Kubsz wstępuje do niższego seminarium. Sześć lat później pisze maturę. W 1931 roku zaczyna studia w wyższym seminarium duchownym.

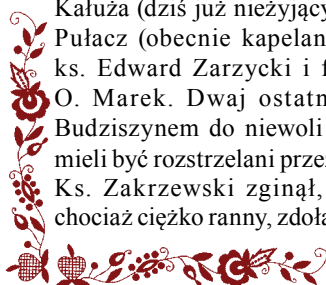
Podczas studiowania kończy kurs dentystryczny – każdy klerk seminarium musiał posiadać jeszcze dodatkowo jakiś zawód. 21 czerwca 1935 roku Wilhelm Kubsz przyjął z rąk arcybiskupa Dymki święcenia kapłańskie. Młody kapłan od razu trafił do seminarium obrzańkiego, gdzie był odpowiedzialny za zaopatrzenie. Miesiąc

przed wybuchem drugiej wojny światowej zostaje przeniesiony jako wikary do Łunina.

Po 17 września 1939 roku Wilhelm Kubsz opuszcza miasto. Zostaje wikarym w Łunińcu, gdzie z oddaniem pomaga ludności cywilnej. Czas względniego pokoju nie trwał jednak długo – w czerwcu 1941 roku wojska niemieckie zaatakowały ZSRR. W lipcu Wilhelm obejmuje funkcję administratora w parafii Puzice. Do okręgu generalnego „Białoruś” szybko zostały włączone ziemie zdobyte przez Niemców, jak również miejscowości, w której urzędował Wilhelm Kubsz. Dookoła parafii działały liczne grupy partyzanckie polskie oraz radzieckie, którym kapłan starał się zapewniać jak najlepszą pomoc.

Nie umknęło to uwadze administracji niemieckiej – potwierdziła ona podejrzenia o antyniemieckim działaniu Kubsza w momencie, kiedy ksiądz odmówił wpisania się na *Volksliste*. W bardzo szybkim tempie został aresztowany. Przetrzymany go w Sosnkowicach, gdzie mieścił się areszt śledczy, a następnie w Hancewiczach. Ostatnim miejscem było więzienie w Baranowiczach – tam też został skazany na karę śmierci przez rozstrzelanie. Wilhelm Kubsz został oskarżony o kolportowanie nielegalnych ulotek oczerniających władzę okupacyjną, udzielanie pomocy partyzantom oraz namawianie do obrony parafian przed wywózkami na roboty w głąb Rzeszy. Kapłanowi udało się uciec z więzienia. W ucieczce pomógł mu zaprzyjaźniony austriacki strażnik więzienny wyznania katolickiego.

Po ucieczce rozpoczyna się nowy okres życia kapelana. Trafia on do partyzantów radzieckich

Ks. Wilhelm KUBSZ

Kościuszkowca

tam na księdza czekał samochód, który go dostawi prosto pod ołtarz. I tak się stało.

Z naszych bojów zawsze będę pamiętał walkę pod Puławami, następnie zaś ciężką przeprawę w dniu 9 sierpnia naszych żołnierzy z I Brygady Pancерnej im. Bohaterów Westerplatte – przez Wisłę pod Magnuszewem w pobliżu Warki. Jednostki saperskie pod ciężkim ostrzałem wroga z lewego brzegu Wisły szykowały pontony dla przeprawy naszych czołgów i artylerii. Uważałem oczywiście za swój obowiązek wystąpić na piaszczysty pagórek na wiślanym brzegu i krzyżem błogosławić przeprowadzających się pod gradem pocisków żołnierzy.

Wreszcie Praga – tylko pas wody wiślanej dzieli nas od walczącej i płonącej stolicy. Jakżeśmy się do niej rwali – jak pragnęliśmy jej przyjąć z pomocą, choć sami byliśmy ciągle pod ostrzałem i raz wprost cudem uniknąłem śmierci w okolicach soboru przy Zygmuntowskiej.

Pamiętam – byłem wówczas przy stanowiskach V i VI Brygady Artylerii – telefonuje do mnie gen. Berling. – Przyjdź księżu natychmiast! – Zjawiam się – widzę generała w towarzystwie dwóch dziewcząt i chłopców. Właśnie się przeprowadzili z tamtego brzegu. Leży przed nimi plan Warszawy. Generał widocznie wzburzony, zwraca się do mnie: – Księżu, przygotuj żołnierzy. W nocy natarcie. Trzymaj język za zębami. Powiedz tylko kapelanom. – V i VI Brygada nie miały swego kapelana – ja więc do nich pośpieszyłem. Cóż – przedostała się na drugą stronę Wisły większość żołnierzy III Dywizji i niektóre inne samodzielne jednostki – natarcie jednak załamało się wobec niedostatecznego wsparcia artyleryjskiego. A Niemcy właśnie w tym punkcie skoncentrowali ogień. Tylko części naszych udało się powrócić. W obliczu tak wielkich a daremnych strat gen. Galicki, Rosjanin, dostał szoku

nerwowego. Szok to był także dla nas wszystkich.

Miałem jeszcze ten radosny i smutny zarazem zaszczyt brać udział we wkroczeniu naszych wojsk do ruin Warszawy i w pierwszej naszej defiladzie w wyzwolonej stolicy.

W lutym 1945 roku funkcję generalnego dziekana Wojsk Polskich gen. Rola-Żymierski przekazał ks. płk. Stanisławowi Warchałowskiemu. Powróciłem do pracy duszpasterskiej wśród cywilnych parafian, ostatnio zaś pełnię obowiązki proboszcza (w stopniu ppłk. rezerwy) garnizonu Wrocław przy pięknym wrocławskim kościele św. Elżbiety. Niedaleko, na terenie tej samej diecezji, pracują też w duszpasterstwie moi wojskowi konfratry: księża Łopaciński, Dudek, Kij i Mościński. W Platerowie, pow. Lubañ, dokąd nieraz zaglądam, osiedliły się po wojnie dziewczęta z Batalionu Kobiecego im. Emilii Plater. Dobrze się tam zagospodarowały – dziś są to już stateczne niewiasty, obdarzone licznymi rodzinami. Nieraz snujemy razem wspomnienia na temat ciężkich i pięknych chwil, przeżytych nad Oką i na szlaku prowadzącym do Ojczyzny.

ПОЛЬСКИЕ ВЕДОМОСТИ, Краснодар, 2016, № 4 (52)

dowodzonych przez pułkownika Wasilijewa. Duchowny w oddziale tym bierze czynny udział w czasie potyczek z niemieckim okupantem. W chwilach wolnych od walki „duchowny partyzant” wykorzystuje swój fach zdobyty jeszcze w seminarium i leczy partyzantom zęby, czym jeszcze bardziej zyskuje zaufanie oddziału. W tym samym czasie w Sielcach nad rzeką Oką tworzy się załęczek pod przyszłe Wojsko Polskie – 1 Dywizja Piechoty im. Tadeusza Kościuszki. Dowódca dywizji, Zygmunt Berling wydaje rozkaz o sprowadzeniu polskiego księdza. Wilhelm Kubsz trafił do tworzącej się dywizji jako kapelan.

5 czerwca 1943 roku ląduje w Moskwie, a cztery dni później bierze udział w pierwszym zjeździe Związku Patriotów Polskich, gdzie poznaje swojego dowódcę, Zygmunta Berlinga.

Kilka dni później rozpoczyna się kapelańska przygoda Wilhelma Kubsza. Trafia do obozu sieleckiego, gdzie spośród żołnierzy dywizji rozpoznaje kilku swoich byłych parafian. Z początku nie cieszy się zbyt dużą popularnością. Żołnierze nie są pewni autentyczności księdza, pojawia się u nich dużo wątpliwości. Zastępca dowódcy do spraw oświatowych, Włodzimierz Sokorski, tak opisał w swoich wspomnieniach rozpoznanie przez żołnierzy w Kubszu prawdziwego księdza: „Należało wybudować kaplicę polową i przekonać żołnierzy, że to naprawdę ksiądz. Tego cudu dokonały fizylierki z batalionu im. Emilii Plater. Ich rozpoznanie było bezbłędne. Ksiądz Kubsz rozpoczął działalność od mszy niedzielnej. W pierwszym szeregu stał płk Berling, płk Bukojemski i mjr Sokorski. Podczas mszy wszyscy ukłękli. Lody zostały przełamane. Można było zacząć mówić o Polsce”. Wilhelm

Kubsz przebywał z żołnierzami cały czas. To on odbierał przysięgę żołnierską – w pierw bezpośrednio od samego dowódcy, Zygmunta Berlinga, a potem całej dywizji. Przysięga kończyła się słowami „Tak mi dopomóż Bóg”. Podczas marszu na pierwszy bój pod Lenino kapelan jechał w swojej kaplicy zamontowanej na samochodzie. Przed samą bitwą, będąc przy żołnierzach, spowiadał ich. W październiku 1943 roku, zaraz po bitwie pod Lenino, Wilhelm Kubsz wraca do obozu w Sielcach, gdzie tworzy się 1 Korpus Polskich Sił Zbrojnych w ZSRR. Kapelan zostaje mianowany dziekanem korpusu. W obozie tworzy on także katolicki dodatek do gazetki żołnierskiej „Żołnierz Wolności”. Kolejny awans otrzymuje 21 lipca 1944 roku. W dniu tym powstaje Wojsko Polskie, a Kubsz zostaje generalnym dziekanem Wojska Polskiego. Niestety, wraz z wyzwalaniem ziem polskich, Wilhelm Kubsz popada w coraz większą nielaskę. Nie opowiedział się on po żadnej z konkurujących stron, a oliwy do ognia dolewa osobisty konflikt generalnego dziekana z naczelnym dowódcą, generałem Michałem Rola-Żymierskim.

31 stycznia 1945 roku kapłan otrzymuje list, w którym odwołuje się go z funkcji generalnego dziekana. W tym samym czasie został zaocznie oskarżony. Od tej chwili zaczyna się wieloletni okres tułaczki Kubsza. Zaraz po odwołaniu go z funkcji generalnego dziekana zmienia on nazwisko na Franciszek Kopc i udaje się do województwa świętokrzyskiego.

Przebywa do roku 1947 w klasztorze Ojców Oblatów św. Krzyża koło Kielc. 1 września 1947 roku, już pod prawdziwym nazwiskiem, zostaje przeniesiony do Poznania, a następnie trafia do

Gdańska. 1 lipca 1954 roku Kubsz otrzymuje pozwolenie na objęcie parafii w Pawłowie.

Nowa nadzieja na powrót w szeregi wojska zablęsnęła wraz z odwilżą roku 1956, jednak prośba skierowana do generała Mariana Spychalskiego pozostaje bez odpowiedzi. 1 lipca 1957 roku zostaje proboszczem parafii przy klasztorze w Laskowicach Pomorskich. W tym okresie Kubsz udziela się społecznie – mocno wspiera *Caritas* oraz organizuje lekcje katechezy, jednak cały czas podejmuje też próby powrotu do wojska. Pomocy udzielił mu ks. płk dr Julian Humeński, nowy generalny dziekan Wojska Polskiego. W końcu marzenia Wilhelma Kubsza o powrocie do służby wojskowej stały się rzeczywistością. 1 października 1964 roku został zatrudniony w Generalnym Dziekanacie WP jako kapelan pomocniczy.

Posługę pełnił w kościele garnizonowym św. Elżbiety we Wrocławiu. Od 26 kwietnia 1969 roku staje się etatowym proboszczem. 10 marca 1970 roku obejmuje stanowisko proboszcza kościoła garnizonowego w Katowicach, aby następnie przenieść się do Jeleniej Góry. Tam także pełni funkcję proboszcza kościoła garnizonowego, obejmuje dodatkowo probostwo na cywilnej parafii św. Krzyża. W 1977 roku kończy służbę wojskową, stan jego zdrowia pogarsza się z każdym dniem. Wilhelm Kubsz zmarł 24 lipca 1978 roku. Przeżył 67 lat.

Wilhelm Kubsz został odznaczony kilkoma odznaczeniami: Krzyż Grunwaldu III klasy, Krzyż Walecznych, Order Wojny Ojczyźnianej II klasy, Medal „Za Warszawę”, Medal „Za Odrę, Nysę, Bałtyk”.

Kacper PERKOWSKI

После «праздничных» экскурсионных рейсов «Полония» вернулась на свою привычную линию Гдыня – Нью-Йорк.

Весь путь до Нью-Йорка мы всё ещё жили воспоминаниями о том, что происходило в фьордах Норвегии или в Севилье. А теперь вернулись мы к небоскрёбам с фиолетовым отливом по вечерам, и в реку Гудзон с её сотнями тупичков – причалов для трансатлантических лайнеров.

Встретили нас бригады грузчиков, большей частью – итальянского происхождения, с заместителем *chief stevedore*¹ Томми, которого называли небоскрёбом (*skyscraper*). Тот, кто хоть раз видел Томми, никогда его не забудет. Томми был высок и худощав – складывалось впечатление, что он, будучи в луна-парке и рассматривая себя в зеркале, увеличивающем рост, так там и остался, а его вытянутое зеркальное отражение превратилось в настоящего Томми. Играло оно роль Томми, надо сказать, безукоризненно – своим присутствием он «смазывал» весь механизм разгрузки, который в Нью-Йорке достиг своего совершенства.

Когда после завершения разгрузки я зашёл в штурманскую рубку, капитан сообщил мне, что завтра мы с ним должны будем посетить Гидрографическое бюро (*Hydrographic Office*), чтобы познакомиться с руководителями отделов, которые ведут исследования течений и собирают с этой целью материалы, доставляемые с судов.

Мне было известно, что капитан обычно сам ездил в Гидрографическое бюро, откуда привозил великолепные лоцманские карты, огромное количество вопросников по исследованию течений, а также вкладыши к бутылкам. Эти бутылки со вкладышами мы бросали за борт, когда наше местоположение на океане удавалось определить достаточно точно.

Мне впервые предстояло ехать с капитаном, и беспокойство овладело мною. Капитан имел привычку проверять, насколько мы заинтересованы предметом наших занятий. Он умел задать вопрос –

ЗНАЧИТ

даже единственный, но такой, из которого можно было сделать вывод, знаем ли мы нечто большее, чем надлежит для выполнения наших иногда механически исполняемых обязанностей.

Обеспокоенный этой поездкой с капитаном и возможными расспросами о Гидрографическом бюро, я весь вечер провёл в поисках информации о цели нашего похода. На судне поиск такого рода сведений, причём в последнюю минуту, был нелёгок. На американских лоцманских картах имеется «памятник» их «основоположнику» лейтенанту Военно-морского флота США Матеусу Мори, благодаря которому в первой половине девятнадцатого века началось издание этих карт. Начав с «памятника», я перешёл к деяниям лейтенанта Мори. Это было во времена, когда парусники приближались к пику своей славы. Во время долгих плаваний Мори пришёл к выводу, что в ту пору кораблевождение отличалось примитивностью, неэффективностью, и напоминало поиски пути на ощупь. По мнению Мори, штурманское дело должно опираться на опыт судоводителей всего мира,

концентрируемый в одном центре, который бы на основе этих данных и при поддержке науки прорабатывал рекомендуемые морские пути. Этот свой проект он претворил в жизнь, когда в результате несчастного случая охромел и был вынужден сойти на берег, где продолжил служение морю.

Деятельность Мори положила начало изучению течений и ветров на кораблях под всеми флагами. Наблюдения за давлением и температурой воздуха и воды, направлением и силой ветра, цветом воды, флуоресценцией, а также за встреченными птицами, рыбами и млекопитающими – началось скрупулёзное записывание и отсылка информации в отдел картографии и штурманских инструментов военно-морского флота, где Мори основал организацию, которая затем была преобразована в нынешнее Гидрографическое бюро. Поньше все штурманы отправляют сюда свои наблюдения, записываемые по установленным схемам.

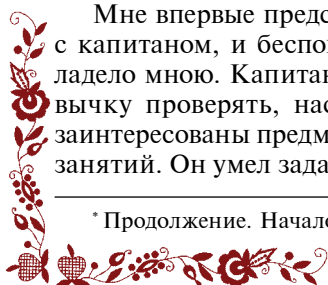
В 1843–1847 годах Мори составил первую карту путей для парусных судов, охватывающую

Пассажирские причалы в Нью-Йорке

* Продолжение. Начало см. в №№ 32-33 (2011) и 49-51 (2016)

¹ *Chief stevedore* (англ.) – старшее должностное лицо, непосредственно контролирующее ход разгрузки и загрузки судов (примеч. переводч.)

КАПИТАН

Атлантический океан. Первым кораблём, воспользовавшимся упомянутой картой, был барк «Райт». Для пути из Балтимора в Рио-де-Жанейро и обратно ему потребовалось столько времени, сколько до использования карты Мори отводилось для прохода этой трассы в одном лишь направлении. Это известие потрясло весь мир. Лоцманские карты Мори принесли ему имя «путеводителя по морям» (*The Pathfinder of the seas*). Рассылаемые на суда, они дали неожиданные результаты в виде уменьшения потерь среди парусников, до тех пор гибнувших из-за незнания атмосферных условий, господствующих на океанах.

Я пришёл в восторг от того, что удалось наскрести хоть какие-то сведения о Мори, как основателе организации, которую мы с капитаном собирались посетить, и всё это выучил наизусть. В качестве своего огромного интереса к течениям, которые были слабостью капитана, я припас историю военного транспорта «Сан Франциско». Этот транспорт в 1855 г. в трёхстах милях от Санди Хук, наткнувшись на ураган, превратился в плавающий остров с отрядом войск на борту. Общественное мнение, возбуждённое этим событием, подняло «на ноги» все военные и морские власти. Обратились за помощью к Мори, который, опираясь на предыдущий опыт и исследования, рассчитал, в каком месте следует искать несомые течением останки судна. Транспорт был найден в соответствии с расчётными координатами.

Я мог бы поддержать разговор, утверждая, что находку пропавшего «Сан Франциско» следует приписать не только гению Мори, но и большой доле везения, поскольку в 1892 году «Фред Тейлор», рассечённый надвое пароходом «Трейв» на юго-восток от острова Нантакет, не был обнаружен в одном месте; одна его часть была найдена далеко на севере, а другая — на юге.

И ещё в всякий случай несколько слов о сотрудниках Гидрографического бюро, как доказательство того, что не один

только Мори был известен. Так, лейтенант Брук — протеже Мори — прославился глубоководным зондом, оставляющим грузик на дне. Третьим я выбрал Литтлхейлса, известного своим трактатом об усмирении волн при помощи масла.

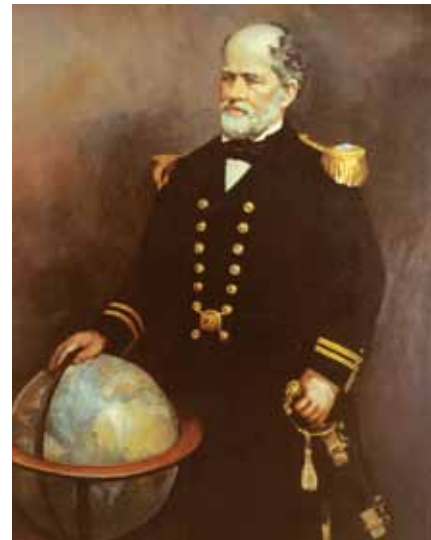
Сбор этих сведений занял всё моё свободное время после окончания разгрузки. Я отказался от схода на берег, который в Нью-Йорке представлялся развлечением из «Тысячи и одной ночи», поскольку двери всех домов польской диаспоры в Америке были для нас открыты, а в некоторых мы себя чувствовали, как у себя дома. Вычёркивая один день пребывания в Нью-Йорке, я уснул, пытаясь не забыть ничего из того, что прочёл.

Ровно в десять часов мы с капитаном сошли с судна. На пути к станции метро рядом с нами остановилось авто, едущее в том же направлении. Из него выглянуло вытянутое лицо Томми. Как оказалось, Томми ехал именно в Гидрографическое бюро, поэтому нам не пришлось мучиться поездкой в метро.

В американских учреждениях нет времени на долгие разговоры. Капитан представил меня нескольким своим знакомым, к которым мне нужно будет обращаться с капитанскими отчётами и получать от них печатные сообщения, заранее для него приготовленные.

И вот уже мы вдвоём в отличном настроении отправляемся в обратный путь на судно. Моё настроение было лишь отражением настроения капитана, к которому я старался приноровиться, но меня не оставляла мысль, смогу ли я поделиться с капитаном сведениями, добытыми вчера вместо всевозможных удовольствий, связанных со сходом на берег.

Довольно скоро мы нашли вход в метро. Были это часы с наименьшей интенсивностью движения на этой линии. Мы сели рядом в пустом купе. Впервые я оказался с капитаном с глазу на глаз в совершенно непривычной обстановке. Собственно, мы ни

Командор Матеус Мори

разу в жизни не разговаривали. На официальное капитанское «Значит, вы поняли?» у меня почти всегда был единственный ответ: «Есть!» Я подумал, что за столько лет совместного плавания мы вроде бы хорошо друг друга poznали, почти все дела у нас общие, а вот общей темы для разговора как-то не находится.

Капитан молча сидел рядом. Похоже, что у него не было никакого интереса к моим исследованиям по Гидрографическому бюро. Я тут же проверил себя, не забыл ли фамилии избранных океанографов: Мори, Брук, Литтлхейлс — помню отлично.

Мы проехали несколько станций. Капитан ещё ни о чём не спросил. Меня охватили сомнения, не должен ли я развлекать капитана? Вскоре сомнения переросли в уверенность, что эта обязанность лежит на мне, и только поэтому капитан молчит. Но о чём говорить? О Гидрографическом бюро я сам разговора не начну — капитан мог бы подумать, что хочу похвастаться знанием предмета, в котором я и так обязан разбираться. Может, рассказать капитану какой-нибудь анекдот? По правде говоря, я никогда на мостике не слышал от него никаких шуток. Так называемых «солёных» он не признаёт, а других, может, и не переносит?

В молчании проехали мы ещё несколько станций. В купе никто не вошёл — мы оставались одни. А если рассказать что-нибудь на тему фиордов? От этой задумки я тут же отказался.

Продолжение на 18-й стр.

МНЕ вдруг вспомнились Кванто Косто, «Океания» и кролики. Неожиданно мелькнула мысль — почему бы не рассказать то, что я услышал от министра финансов во время рейса «Полонии» в Касабланку? Хотя история эта и неоднозначна, но отношения министра и капитана были достаточно дружескими. Даже если капитану что-нибудь и не понравится, то это будет вина министра, а не моя. Тут я испугался, что, быть может, капитан вновь меня не поймёт. Впрочем, остаться ещё раз недопонятым не так уж и страшно. И я решился капитана развлечь.

Сделав глубокий вдох, я приступил:

— Вы помните, пан капитан, как во время рейса в Касабланку мне было поручено провести по судну министра финансов?

— Значит, помню! — капитан замолк, не проявляя ни малейшего интереса к министру финансов. Быть может он думал о чём-то другом. Но я продолжал:

— Когда экскурсия завершилась, министр пригласил меня в бар на коктейль и рассказал мне забавную историю из своей жизни.

Капитан молчал, но его челюсть неизменно указывала на «fair» — «ясно».

— Собственно говоря, этот забавный случай произошёл с тёткой министра, — пытался я заинтересовать капитана.

Капитан кивнул головой, будто бы желал это услышать.

— Так вот, министр рассказывал, что, когда он ещё учился в гимназии в Вильно, помогала ему тётка, привозя для него съестные припасы из фольварка, который держала в нескольких остановках за городом. Садилась она на станции, где поток пассажиров был мизерным. Однажды, прибыв за час до отправления поезда, решила она воспользоваться сортиром. Отхожее место находилось вдалеке от станционного здания в густых зарослях.

Я глянул на капитана, беспokoясь, какое впечатление произвёл на него этот «сортир». Но капитан, казалось, слушал с интересом и даже слегка улыбался. Это придало мне бодрости, и я продолжил:

— Всё шло как надо до момента, когда тётка ре-

ЗНАЧИТ

шила покинуть это прибежище. Дверь защёлкнулась и никак не хотела открываться. Тётка стучала кулаками и всюду кричала. Услышала приближающийся поезд — стала кричать ещё громче. Поезд ушёл — стоял ровно минуту. Тётка была ещё относительно молода и энергична. Кричать и стучать она не переставала.

Посмотрел я на капитана. Он, казалось, заинтересовался.

Через час после отхода поезда пришёл станционный смотритель и тётку освободил. Тётка в горячке стала его костерить. «Разве можно, чтобы двери в станционной уборной защёлкивались как в тюрьме и лишали свободы!» Старичок всё это выслушал, но тётка была так уязвлена, что потребовала от него отремонтировать замок немедленно. Стала она показывать, как это всё случилось, и в этот момент дверь вновь защёлкнулась, запирая тётку и старичка внутри уборной.

Я видел, что капитан проявляет всё больший интерес к приключению с тёткой министра финансов.

— Теперь они стали стучать вдвоём. Старичок был слабее, слабее тётки, так что о том, чтобы выломать дверь, не могло быть и речи. Не оставалось ничего другого, как стучать по очереди и ждать счастливого случая; быть может, кто-нибудь, проходя поблизости, их стук услышит. Прошло несколько часов. Никто так и не появился. Тётка впала в

бешенство. Следующий поезд до Вильно отправлялся лишь ночью. Освободит ли их кто-нибудь к этому времени? Солнце уже заходило, когда слышались голоса девушек, возвращавшихся с работы. Тётка принялась орать. Голоса стали приближаться. Наконец-то дверь открылась! Но девушки, разглядев довольно-таки интересную тётушку и прячущегося за ней станционного смотрителя, дали волю своему возмущению, говоря: «Тьфу, с таким старым?!»

Наш поезд остановился на станции, где нам следовало выходить. Я глянул на капитана и увидел в его глазах неподдельные искры юмора. Меня охватило чувство гордости, что удалось капитана увеселить и позабавить.

В этот момент прозвучал капитанский голос:

— Значит, скажите пожалуйста! Значит, это была не его тётка, а моя. Значит, я ему это рассказывал.

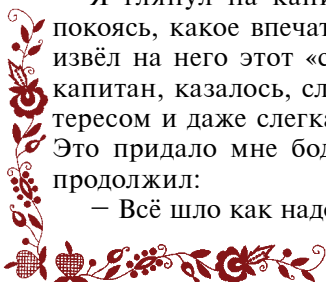
ЖАК ПАГАНЕЛЬ

В корабельных документах этот рейс именовался как «11Е» (одиннадцатый рейс на восток). Вышли мы из Нью-Йорка в безветренную ночь. Миновав плавучий маяк «Ambrose», мы вошли в «вату», густую массу тумана. Видимость — ноль. С мостика не виден даже нос. Каждые две минуты тишину разрывает звучная корабельная сирена, голос нашего судна.

У каждого судна есть свой голос. Есть и два ока, и в каждом —

Плавучий маяк «Ambrose»

КАПИТАН

надежда в виде якоря. Судно – живое, пульсирующее жизнью творение – пробирается сейчас на ощупь сквозь пространства, по которым, также, как и оно, идут в этом густом тумане сотни других судов. Невольно напрашивается вопрос: «Во что ты нас ввергнешь? Слепец, вместивший в себя более тысячи человеческих существ?..»

Исподволь продвигаемся вперёд, оглашая зычным голосом – «Я иду!». «Я иду!» – объявляют другие суда. Когда кто-то другой приближается слишком близко, все на мостике претворяются в слух. Чем ответить на оповещение другого? Остановиться или продолжать движение? И следует решение: будем «пережидать». Потом скорая прикидка: надолго ли затянется «пережидание»? Настаёт щекочущий нервы период «сознательного пережидания». В течение этого времени ситуация должна проясниться. Можно продолжать движение. Напряжение уступает теперь место только вниманию. Продолжаем идти вслепую. Ладони штурманских офицеров устали жать на рычаг сирены.

Ночь и день, ночь и день держится тяжёлый туман. Утроенные посты «вперёдсмотрящих» превратились в посты «вперёдслушающих». Рукоятки машинных телеграфов покоятся на подсвеченных секторах шкалы с чернеющей надписью – *STAND BY!*² На движущемся вслепую судне, на мостике и в машине всё и все на *stand by!* И у вахтенного штурмана, и у подвахтенного, отдыхающего в койке, вся нервная система настроена на *stand by!*

Но груз максимальной ответственности лежит на капитане. Туман автоматически переключает на него приумноженную обязанность заботы о сотнях человеческих существ, находящихся на борту судна. Сдача служебных обязанностей у сходящего с вахты штурманского офицера притупляет в нём слуховое напряжение и ответственность за неслышан-

Кузнечик

ную или неувиденную опасность. Капитан же всё время проводит на мостике и, засыпая урывками в штурманской рубке, находится в напряжении непрестанно. Никто, кроме самого тумана, не в состоянии переставить рукоятки телеграфа его нервной системы со *STAND BY!* на *FULL AHEAD!*³

До самой Канады, до того самого момента, когда мы приняли лоцмана, который должен был ввести нас в Галифакс, туман держался всесильно и неотступно. И вдруг развеялся, будто не имел права перешагнуть невидимую черту. Воздух Новой Шотландии был насыщен солнцем и лесным запахом. После краткого отдыха, проведённого в круглосуточном подсчёте груза, в полдень следующего дня мы вновь вышли в море.

Я заметил его на крыле мостика прежде, чем успел принять вахту. Он спрятался за стойкой в самом тёмном углу нокгауза⁴. Выделяли его большие высокие брови и чёрные глаза. Его убранство было в чёрно-коричневую полоску. Казалось, что новое окружение не слишком его пугало. Когда я приблизился к нему, он даже не шевельнулся. Я присел рядом с ним на палубу и протянул руку. Никакого страха в нём не было. Тогда я осторожно взял его за крылышки и поднял вверх. Это был великолепный экземпляр кузнечика.

Чтобы жизнь кузнечика не оборвалась самоубийственным полётом в море, я забрал его к себе в каюту и усадил на пучок полевицы, стоящий в углу в индийской инкрустированной вазе. Он тут же втиснулся в пахнущие белые метёлки полевицы и уютно

там устроился. Я закрыл каюту и вернулся на мостик.

Передали мы лоцмана на небольшой чёрный парусник и, полностью прогретые солнечным теплом, стали готовиться к долгому пути через Северную Атлантику к побережью Старой Шотландии. Через час мы вновь окунулись в густой туман. Нам предстояло пересечь самые опасные воды Атлантики в период максимального насыщения их айсбергами. Странствуют они с севера с холодным Лабрадорским течением из Моря Баффина – крупнейшего инкубатора айсбергов-гигантов. Огромные ледники Гренландии «рождают» ежегодно около семи тысяч айсбергов. Многие их сотни ежегодно перемещаются на юг, на оживлённые судоходные пути, пересекая даже параллель мыса Рэйс. Айсберги – миллионы тонн льда, из которых лишь одна девятая возвышается над поверхностью воды. Иногда они достигают пятидесятиметровой высоты и семи миль в длину.

Для борьбы с этой опасностью мы располагали лишь лотом, термометром и капитанским носом. Лот, бросаемый через некоторое количество миль, давал возможность определить наше нахождение в проблемной зоне. Головы штурманов превращались в счётно-решающие устройства. Непрерывные замеры температуры воды позволяли установить приближение к водным пространствам, насыщенным айсбергами. Капитанский же нос должен был их прочувствовать по особому влажному холоду, который айсберги источают.

В настоящий момент самыми опасными для нас представлялись водные пространства к востоку от Большой Ньюфаундлендской банки. На карте эти места были покрыты маленькими треугольниками, каждый из которых символизировал айсберг, данные о котором были получены по радио.

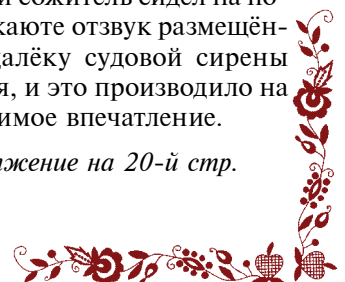
Когда я вернулся в каюту, мой неожиданный сожитель сидел на полевице. В каюте отзвук размещённой неподалёку судовой сирены усиливался, и это производило на него осязаемое впечатление.

Продолжение на 20-й стр.

² *Stand by!* (англ.) – внимание!

³ *Full ahead!* (англ.) – полный вперёд!

⁴ Нокгауз – надстройка на крыле мостика, служащая для укрытия вахтенного офицера

Начало на 16-й стр.

КУЗНЕЧИК втискивался как можно глубже в метёлки, будто рёв сирены его туда вдавливал.

Мне удалось раздобыть корм для гостя. В провизионке предложили для него салат и яблоко. В каюте стояла пронзительная влажная прохлада. Я взял кузнечика в руку и прилёг на койку. Он не проявлял никакого испуга. Посадил я его на палец, к которому он, греясь, прильнул с видимым удовольствием. При каждом рёве сирены я ощущал, как острия его коготков впиваются в кожу. Под устрашающие челюсти поднёс я кусочек салата. Клещи челюстей вонзились в сочную мякоть. Ел он медленно, совершенно не торопясь. Затем я угостил его кусочком яблока. Но больше всего пришёлся ему по вкусу сок, выдавленный из яблока, — выпивал он его мгновенно.

Меня восхищала его отвага. Кузнечик вёл себя так, как должно было быть, и никак иначе. Он гордо выглядел в своих рыцарских доспехах. Откуда прибыл? И куда направляется? Эти вопросы напомнили мне название одной из глав книги Жюль Верна «Дети капитана Гранта». Эта глава называлась: **ОТКУДА ПРИБЫВАЕТ И КУДА НАПРАВЛЯЕТСЯ ЖАК ПАГАНЕЛЬ**.

Принимая во внимание его превосходные рыцарские доспехи, можно было дать ему имя одного из отважных и неустрашимых гетманов. Однако невольно я окрестил его именем рассеянного профессора Жака Паганеля.

Выходя на ужин, я вновь водворил гостя на полевницу. Ложась спать перед заступлением на вахту, я заметил, как Паганель глубоко втискивается в метёлку, будто бы тоже устраиваясь ко сну.

Рулевой разбудил меня на вахту. Я натянул на себя меховую кожаную куртку. Густой туман конденсировался на такелаже мачты и тяжёлыми каплями падал на палубу. Тёмной ночью сквозь белый туман, наощупь определяя путь, идёт судно, прикасаясь тростью-лотом к ближайшей земной тверди, лежащей в десятках метров под килем. Мелководье уже заканчивается, а над ближайшими глубинами располагается пространство, запружённое айсбергами. Мы пере-

ЗНАЧИТ

секаем западную долготу 50°14'. Это долгота координат страшной катастрофы «Титаника», которая произошла двадцать с лишним лет тому назад. Восемьсот двадцать пять пассажиров и шестьсот семьдесят членов команды навсегда остались на этом меридиане.

До нынешних времён трагическая годовщина этих вод, 15 апреля, отмечается одним из кораблей Ледового патруля, созданного для противодействия ледовой опасности. Каждую годовщину на месте катастрофы появляется патрульный корабль. На его борту проходит траурная месса, а команда производит почётный салют в память тех, кто здесь остался — как предостережение тем, кто здесь держит путь.

Более тысячи людей, не задумываясь об этом, сейчас спокойно спят в тёплых каютах нашего судна, за исключением тех нескольких, кто несёт вахту. Оценивая расстояние между намеченным курсом, которым мы

пройдём эти воды, и обозначенными на карте треугольниками, представляющими ближайшие айсберги, я испытываю чувство благодарности Ледовому патрулю за возможность прогнозирования и оценки опасности.

На память приходят мне сцены, разыгравшиеся здесь некогда. Как повёл бы себя каждый из нас в подобной ситуации? Среди множества описаний тех событий первого места заслуживает рассказ о «Непотопляемой госпоже Браун», известной под уменьшительным именем Молли.

* * *

Молли, родившаяся на берегах Миссури, детство провела «на реке». Маленькая рыжеволосая ирландка не любила домашней работы и учёбы. Предпочитала плавать и ловить рыбу. Двенадцатилетней девочкой встретила она с Марком Твенем. Великий писатель увидел в ней своего героя Гекельберри Финна «в юбке». Молли абсолютно не отдавала себе отчёт в разнице между полами, ныряя и радуясь воде в чём мать родила. Великий писатель научил её рыбной ловле и чувству юмора, но не обучил грамоте. В пятнадцатилетнем возрасте Молли покинула родной городок Ганнибал и вместе с братьями оказалась на золотых приисках в Колорадо. Там она занималась уборкой жилищ золотоискателей. Через три недели после переселения на золотоносные территории маленькая Молли Тоубин вышла замуж и стала госпожой Маргарет Браун. Её муж, тридцатисемилетний великан был рыжим, как и Молли. Месяца через два Джон наткнулся на золотую жилу, которую сбыл за 300 000 долларов. Вручая банкноты своей восхитительной жене, он сказал:

— Держи, и спрячь их так, чтобы я не знал.

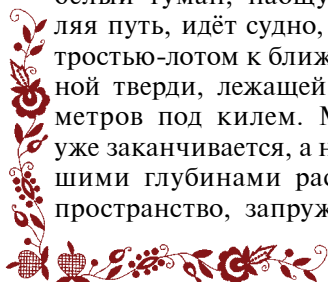
— А где же мне их держать? — обеспокоенно спросила Молли.

— Где хочешь. Только подальше от меня, я же еду в город отметить этот день.

После гулянки Джон, привезённый приятелями, был

Профессор Жак Паганель

КАПИТАН

Госпожа Молли Браун

в состоянии попросить лишь о двух вещах:

— Не будите Молли и растопите камин — я промёрз до мозга костей.

Прятели точно исполнили пожелания Джона. Молли проснулась от запаха дыма и гудящего в камине огня. Сорвалась она как ужаленная и подбежала к печи, но слишком поздно — спрятанные в камине триста тысяч долларов сгорели!

Молли всхлипывала, нащёптывая на ухо ничего не понимающему Джону о случившемся. Через полчаса Джон, наконец, понял заплаканную жену, и решил на одно единственное суждение:

— Не плачь, миленькая, золота я ещё найду никак не меньше. Невероятно, но именно так и случилось. Уже к следующему вечеру ему удалось найти новую золотую жилу, оценённую в двести миллионов долларов. Джон незамедлительно приступил к её разработке. В первом собственном доме, построенном для Молли, полы обрамлялись серебряными долларами. Следующий дом, в Денвере, несмотря на балы и изысканные приёмы, устраиваемые Молли, признания у снобов не получил. В итоге Молли реши-

лась взяться за образование. Джон уезжающей Молли мог сказать совсем немного:

— Не болей, миленькая, не забудь названия твоего банка. Всё, что есть у меня, принадлежит тебе.

Семь лет в Денвере ничего нового о Молли не было слышно. Из Европы она вернулась с двумя французскими горничными и беглым знанием пяти языков. В число её ближайших подруг входила знаменитая французская актриса Сара Бернар. Дом Молли в Денвере, а затем семидесятикомнатный дом в Нью-Йорке стал центром притяжения известнейших личностей. Завистники называли её эксцентричной. Госпожа Браун, однако, продолжала оставаться маленькой Молли, простодушной и отзывчивой.

— Я эксцентрична, — сказала как-то она, — но сердце у меня размером с окорок.

В апреле 1912 года Молли на «Титанике» возвращалась из Ливерпуля в Нью-Йорк. Из маленькой девочки превратилась она в прекрасную даму, с яркой жизнью и искромётным юмором. Несмотря на превосходное образование и лоск, Молли не растратила жизненных навыков, приобретённых в период пребывания среди золотоискателей в Колорадо. На «Титанике» она развлекала одних и приводила в ужас других одновременным выбрасыванием за борт пяти грейпфрутов, которые успевала расстрелять из пистолета прежде, чем они достигали воды.

Одетая, как всегда, эксцентрично — в тёплое шерстяное бельё, дорожные меха и меховую

Лайнер «Титаник»

же накидку с огромной муфтой, где держала громадный кольт, Молли единственная была готова к встрече с айсбергами.

Трагедию «Титаника» она восприняла, не моргнув глазом. До тех пор, пока не были спущены спасательные шлюпки, Молли успокаивала детей и женщин. Она отказывалась сходить в шлюпку, пока не усадила в неё окружающих её детей и женщин. На этой шлюпке было лишь пятеро мужчин на два десятка женщин с детьми. Молли приняла команду на себя, приказав мужчинам садиться за вёсла и удерживать шлюпку носом к волне. Поскольку все дрожали от холода, Молли принялась снимать с себя одежду. Восхитительными шиншилловыми мехами были укрыты дети, а тёплые вещи её гардероба пошли на защиту от холода самых пожилых и ослабленных женщин. Молли в корсете и чулках, с кольцом на шейном шнуре принялась грести. Когда один из гребцов пожаловался на сердце, то услышал от Молли короткую фразу:

— К чертям твоё сердце, гребни!

От долгой гребли ладони Молли стали кровоточить. Лоскутьями своего белья она обвязала руки и продолжала грести. В момент, когда душевное равновесие пассажира спасательной шлюпки вконец испортилось, Молли, не прерывая гребли, принялась петь оперные арии. Потом она стала рассказывать историю своей жизни. И о том, как сгорели триста тысяч долларов, и о великодушии мужа.

Когда другое судно их нашло, все на спасательной шлюпке дружно провозгласили Молли героиней, Молли парировала:

— Обыкновенное везение Браунов, я ведь НЕПОТОПЛЯЕМА.

С этой минуты Молли получила всеобщую известность как «Непотопляемая госпожа Браун». Необыкновенное её добросердечие нашло выход в заботе о раненых солдатах в период Первой мировой войны. Фонды госпожи Браун принесли облегчение тысячам солдат. Правительству Антанты удостоили рыжеволосую Молли с сердцем Титана всех доступных для дамы наград.

Продолжение на 22-й стр.

Начало на 16-й стр.

ТЫСЯЧЕКРАТНО приходилось мне вычерчивать на карте маленькие треугольники, обозначающие местоположение айсбергов, переданные по радио. И всегда при этом занятии грезилась мне удивительная история Молли с берегов Миссури.

* * *

Туман не переставал нам досаждать, даже когда мы вышли из холодной сферы айсбергов. Капитан тогда впервые покинул мостик, чтобы искупаться и побриться, после чего заснул в штурманской рубке сном праведника. От самого ближайшего судна на нашем пути мы получили известие, что нас разделяют сотни миль, и что оно также окружено туманом. После того, как мы покинули пространства с безмолвными айсбергами, с которыми можно было в тиши столкнуться, дальнейший путь среди тумана, но с гудящими судами, показался нам идиллией. Мы вернулись к повседневному заботам и любимым увлечениям.

Вспомнилось мне излюбленное занятие капитана. Однажды на хорошо вытертой мною карте я заметил свежую точку, поставленную рядом с проложенным курсом. С помощью лупы я разглядел, что это след карандаша. На следующий день место судна по астрономическим наблюдениям точно совпало с этой отметкой. А вечером следующего дня вновь появилась таинственная отметка, и опять она совпала с местом по астрономическим наблюдениям.

В каюте капитана всегда присутствовали новейшие издания по метеорологии, расчётам и исследованиям течений, над которыми он любил проводить долгие часы. Теперь я стал понимать его «азарт» в предварительном вычислении завтрашнего места с учётом всевозможных погодных факторов, ветров и течений. Он никогда не подвергал сомнению нанесённых нами мест, и никогда не исправлял официального местоположения, определённого в полдень штурманским офицером по астрономическим наблюдениям или по счислению. Ставил лишь свои собственные точки. Не зная этого, мы, пожалуй, зачастую могли их случайно стирать, но

ЗНАЧИТ

никогда на эту тему не прозвучало никаких замечаний. Понятными стали частые намёки капитана на недостаточный контроль за чётким выдерживанием курса. Этим открытием я ни с кем не поделился, и исключительно сам восхищался точностью капитанских расчётов.

Сменившись с вахты, я всегда поспешно возвращался в каюту на встречу с Паганелем. Я тут же брал его в руку и выдавливал для него сок из яблока. Когда он насыщался, то прогуливался по койке и по мне, как по Гулливеру. Затем демонстрировал мне замечательное развлечение. По одной из полевниц взбирался он до тех пор, пока под тяжестью его тела стебель не прогибался так низко, что почти доставал до столешницы письменного стола. Отсюда он перепрыгивал в самую гущу полевниц и всё повторялось. Бесстрашие отличало его — никогда ничего не пугался и никуда не скрывался. С самого первого момента, когда на мостике я взял его в руку, ни разу не пробовал вырваться, был исполнен доверия и чувствовал, что он обижен не будет.

Он был личностью. Ему удавалось каким-то необъяснимым образом привлечь к себе столько внимания и возбудить такое уважение, как будто он и в самом деле был профессором, Жаком Паганелем.

Мы подходили к северному побережью Шотландии. Первые координаты, полученные от радиомаяка в Бут-оф-Льюис, легли на карту рядом с едва заметной точкой, нанесённой капитанской рукой. Наше официальное место отличалось весьма многим.

С судна, идущего впереди нас, пришло радиосообщение, что туман рассеялся. И в самом деле, вскоре показался Кейп-Врат (Мыс Гнева), угрюмая чёрная скала, выглядящая, как место Страшного суда на иллюстрации из старой Библии. Теперь нам предстояло пройти шотландской Харибдой, проливом Пентланд, берега которого украшены многочисленными останками судов. Нас радовало

отсутствие тумана и то, что не придётся огибать с севера Оркнейские острова. Надо сказать, что в Пентланде туманы почти не случаются. Но в зимнее время их отсутствие «компенсируется» метелями, при которых видимость становится ещё меньшей, чем в самом густом тумане.

Не успели мы нарадоваться тишине, как после прохода через Пентланд нас вновь окутал туман. Капитан вновь переселился на мостик. Сталкиваемся с сушим бичом Северного моря — рыбаками. Многие из нас, несущих вахту на мостике, входя в «луна-парк» из огней десятков ведущих лов рыбы траулеров, давали себе зарок: никогда больше не есть ни кусочка морских рыб, даже сельди, только бы не было рыбаков.

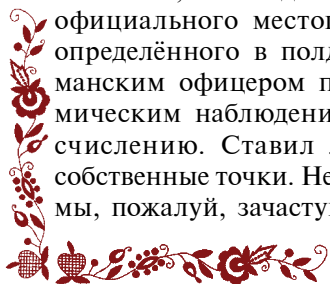
При тумане рыбаки всё же предусмотрительно покидали судходные трассы.

Мы настолько привыкли к туману, что готовы были считать, будто солнце и звёзды существуют исключительно в детских сказках. Наконец, добрались мы до Копенгагена. После выгрузки пассажиров и груза появившийся на судне лоцман заявил, что выход откладывается. На вопрос: «Почему?» последовал ответ: «Туман!». Всех, находившихся на мостике, это развеселило. Лоцмана слегка передёрнуло при виде наших улыбок, но и сам он рассмеялся, когда от нас узнал, что от самого Нью-Йорка ничего другого и не было.

Из Копенгагена мы-таки вышли, но не на Гдыню, а непосредственно на Гданьск, в док. Как только судно ошвартовалось в Гданьске к набережной, появилось солнце.

Паганель чувствовал себя отменно. Я мечтал о том, чтобы вырваться в воскресенье куда-нибудь на поля и попрощаться с милым другом, который начнёт новую жизнь в неизвестной стране. Как ему здесь понравится?

Пока же у меня было лишь немного свободных минут, когда я мог его покормить и рядом прилечь. Лишь вечером третьего дня мне удалось поехать домой,

КАПИТАН

Мыс Гнева

в Гдыню. К шести утра мне предстояло вернуться. Побоялся я брать Паганеля с собой, чтобы случайно не раздавить в пути. Мне хотелось в ближайшее воскресенье отвезти его в места, где растут леса, похожие на канадские. Выходя из каюты, я зажёл лампу, под которой он так любил греться во время рейса. Под лампой оставил ему салатный лист, а на блюде — выжатый из яблока сок. Впервые я оставлял Паганеля на столь продолжительное время в одиночестве. Больно мне было. Вне сомнения, он будет по мне скучать.

На следующий день в шесть утра я вернулся. Войдя в каюту, я увидел Паганеля, лежащим на столе. Сок был выпит, яблоко надкушено, а брюшко Паганеля было вздуто. Мой маленький друг завершил своё брэнное странствие в воплощении кузнечика. Куда же неустранимый устремился теперь?

Я решил поступить с его останками так же, как это делалось на старинных парусниках, когда кто-нибудь из мореходов уходил в свой вечный рейс. Его предшествующее земное воплощение отдавалось морю.

Я отыскал небольшой коробок и соответственно утяжелил его. Замечательные доспехи Паганеля, обёрнутые в лоскуток флагдука, я вложил внутрь и вышел на корму. В момент, когда раздалась трель свистка «На флаг!», я опустил коробок в воду. На стоящих вокруг судах одновременно били колокола. На нашем судне все стояли по стойке «смирно» с лицами,

обращёнными в корму. Офицеры отдавали честь. Прежде, чем перестали бить склянки, а флаг был поднят до места, исчез последний круг волны, сомкнувшейся над Паганелем.

На мостике я встретился с капитаном. Он внимательно посмотрел на меня и спросил:

— Значит, что случилось? Вы не заболели?

— Я похоронил Жака Паганеля, пан капитан, — в задумчивости ответил я, не отдавая себе отчёта, что говорю.

— Значит, какого Жака Паганеля? — спросил капитан с сочувствием.

Я никому о Паганеле не рассказывал, чтобы не вызывать к нему любопытства. Теперь же, когда решился дело прояснить, не был уверен, помнит ли капитан, что Жак Паганель — это один из героев книги «Дети капитана Гранта».

— Жак Паганель, вы помните, пан капитан, был участником путешествия детей капитана Гранта.

— Я помню! Значит, только не пойму, каким образом вы его сейчас похоронили?

По-видимому, у меня было удручённое выражение лица, поскольку капитан подумал будто я заболел и пытался понять то, что я ему говорил. Но вновь складывалось таким образом, что нам не удаётся вмиг понять друг друга.

— Это был кузнечик из Галифакса, — попробовал я объяснить.

Как ни жаль мне было Паганеля, в тот момент я осознал, что впутываю капитана в новую исто-

рию. Выражение капитанского лица было неопределённым. Следы сочувствия ещё проявлялись, но что их сменит?

— В Галифаксе я нашёл на мостике кузнечика и взял его к себе в каюту. Весь рейс он провёл с нами и неплохо освоился. Когда я сегодня вернулся, Паганель уже умер.

— Значит, что общего у Паганеля с кузнечиком?

— Я назвал кузнечика Паганелем.

— Значит, почему вы его так назвали?

Ответ на этот вопрос мог привести к очень долгому и путанному разговору. В этот момент к капитану подошло несколько инженеров с верфи.

— Значит, пока что благодарю вас, — сказал он мне, и на этой истории Паганеля оборвалась навсегда.

ОРТОДРОМИЯ

По пути из Гдыни в Нью-Йорк наши трансатлантические суда заходили в Копенгаген. После прохода Скагена мы держали курс на пролив Пентланд между Шотландией и Оркнейскими островами. От Кейп-Врат, северо-западного мыса Шотландии, наш путь лежал на север от необитаемого островка Рокколл, от которого собственно и начиналась ОРТОДРОМИЯ.

От Гдыни до Скагена, если не было сильных ветров, пассажиры обычно чувствовали себя неплохо. И в этом рейсе нашего трансатлантического лайнера, как и всегда при спокойной погоде, вечерами в салонах устраивались танцы. Сквозь приоткрытый световой люк, встроенный в мостик, просматривалась часть центрального салона, и на небольшом участке зала можно было наблюдать за танцующими парами. Если оркестр играл вальсы Штрауса, то никто из нас не сомневался в присутствии там капитана, и была уверенность, что на мостике он не появится. Капитан прекрасно танцевал и отдавал предпочтение вальсам. Очень скоро нам стало понятно, что вальс из «Летучей мыши» ему нравился больше всего. И если он исполнялся, мы знали, что через приоткрытый световой люк увидим танцующего капитана.

Продолжение на 24-й стр.

ЭТОТ вальс удивительным образом гармонировал с личностью капитана. Был помпезен, таинственен, полон романтичности, в которой мы крайне капитана подозревали, несмотря на всю его суровость.

Северное море тоже иногда предоставляло возможность послушать вальсы, но туман и проход проливом Пентланд предвещали неминуемое появление капитана на мостике.

В этом рейсе, когда проходили мы проливом Пентланд, я услышал от капитана, что к пяти часам мне предстоит явиться к нему повторно выбритым, поскольку на судне присутствует председательница Американской Полонии, которая во время пребывания в Польше познакомилась с моей мамой и намерена передать от неё привет и многочисленные поцелуи.

— Значит, я думаю, что будет лучше, если вы ещё раз побреетесь.

В шестнадцать часов мы миновали Мыс Гнева — Кейп-Врат, который до этого момента защищал нас от океанской волны.

Когда к пяти часам я явился к капитану, одновременно со мною появилась стюардесса и доложила, что пани председатель плохо себя чувствует и была вынуждена прилечь, поскольку страдает морской болезнью. Мне было очень жаль престарелую даму, и я попросил стюардессу, дабы та выразила моё сочувствие по случаю болезни и сожаление о несостоявшемся знакомстве. Вечером, без нужды дважды выбритым, я лёг спать.

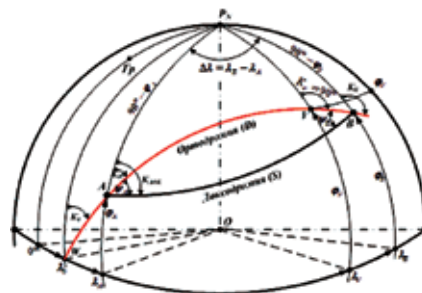
Перед нами открылся океан, который предстояло пересечь по кратчайшему пути, на греческий манер называемому ОРТОДРОМИЕЙ. Если бы с места у островка Роколл нам удалось разглядеть небоскрёбы Нью-Йорка и, ориентируясь на них, переплыть Атлантический океан, то это и был бы самый прямой и самый короткий путь к цели, то есть ортодромия. В дословном переводе это слово значит «прямобежный», а в свободном — «прямохонький». Этот путь в виде натянутой на поверхности глобуса нити пересекал бы каждый из меридианов под иным углом. А вот так называемый курс, на котором судно всё время удерживается, пересека-

ЗНАЧИТ

ет меридианы под постоянным углом, из-за чего судно перемещается по кривой, на греческий манер называемой ЛОКСОДРОМИЕЙ, то есть «кривобежной». Этот путь, конечно же, длиннее. Поскольку небоскрёбы с расстояния нескольких тысяч миль не видны, следует, правя рулём по компасу, часто корректировать курс, придерживаясь ортодромии. Избранная ортодромия состоит как бы из множества отрезков локсодромии. Каждый расчётный курс для нового отрезка локсодромии носит название начального курса ортодромии. Расчёт начального курса и пути по ортодромии является важнейшей темой обучения в мореходных учебных заведениях.

Вопросам судовождения по ортодромии начали придавать особое значение, лишь когда парходы стали вытеснять парусные суда. Удержание курса на ортодромии для парусника зачастую было затруднено, а иногда и невозможно, поскольку паруснику приходилось обходить те водные пространства, где длительное время мог господствовать штиль, либо встречные морские течения. Но и эти недружелюбные штили не перечеркнули мечты и стремления штурманов, ищущих кратчайший путь, даже для парусников. Свидетельствует об этом флаг судоходной компании «Маршалл», белый с красным крестом. В его центре помещена синяя окружность с белым кругом внутри. Это символизировало тот факт, что парусник этой компании, поддерживающий сообщение с Австралией, первым избрал кратчайший путь от Мыса Доброй Надежды до пятого континента — ортодромию.

Ортодромия

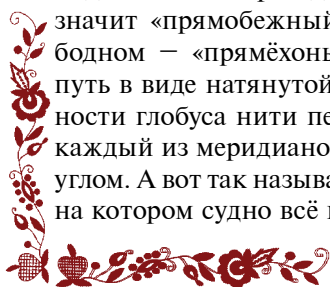
Изменения курсов при ведении судна по ортодромии и их расчёт являются привилегией и обязанностью капитана. Неуверенность в собственных расчётах одного из них однажды стала темой анекдотических рассказов во всех каютных компаниях нашего судовладельца.

На одно из судов взамен заболевшего капитана прибыл капитан другой компании. В течении этого рейса временный капитан изменял курс в соответствии с установившимися традициями в те часы, когда местоположение было известно по наблюдениям небесных тел. В обычных условиях и при хорошей погоде изменения курса составляли не более двух-трёх градусов. Капитан принимал в расчёт исключительно астрономические наблюдения офицеров, поскольку координаты по гониометру на этой географической долготе были ненадёжны из-за слишком больших расстояний до передающих станций.

Однажды капитан распорядился вдруг изменить курс на несколько десятков градусов. Штурманские офицеры, перепуганные этой неожиданностью, решили любой ценой узнать, что заставило капитана принять столь бессмысленное, на их взгляд, решение. Капитан же этой тайной делиться не стал.

Оказалось, что новый капитан до сих пор плавал исключительно по Балтийскому морю, и о дальних плаваниях имел лишь теоретическое представление. Поэтому было решено негласно сравнить капитанские расчёты начального курса с расчётами штурманского офицера. Совершенно случайно один офицеров заметил, что капитан внимательно изучает прошлый годний вахтенный журнал. И офицеры тоже принялись его листать. Оказалось, что капитан слепо повторяет прошлый годние изменения курса, поскольку условия плавания на океанах в одни и те же месяцы могут быть очень даже схожи.

Исследования прошлый годнего журнала подвели офицеров к месту, в котором в самом деле был отмечено изменение курса

КАПИТАН

на тридцать два градуса вправо. Это было записано на одной стороне страницы, а на следующей находилось объяснение, которое новый капитан, видать, второпях не успел прочитать. Курс был изменён для встречи с судном нашей же компании, следующим из Америки в Европу.

Встреча двух судов одной компании посреди океана скрывает в себе значительно больше сантиментов, чем это могло бы показаться на первый взгляд. Встреча этих же самых судов в порту, даже иностранном, не может носить в себе такого очарования. Даже, если не иметь в виду удовлетворения, полученного от оценки мастерства офицеров в определении местоположения с помощью астрономической обсервации, а внезапно проявляющиеся подспудно чувственные факторы, вызванные «открытием» одиночества в безбрежном море. Напряжение, сопутствующее ожиданию встречи, сменяется буйной радостью от приветственного подъёма флагов, обмена пожеланиями посредством флажного свода сигналов, оваций пассажиров под мелодии самых бравурных маршей, исполняемых стоящими на палубах оркестрами. А в момент, когда на горизонте уже развеялся последний след дыма, появляется неожиданно охватывающее тебя чувство одиночества и тоски по чему-то необъяснимому.

В нынешнем рейсе огромная океанская волна досадила нам почти до самого Нью-Йорка. Лишь последний день принёс облегчение. Из открытого светового люка доносился вальс из «Летучей мыши». Идёт капитанский бал — завтра пассажиры покидают судно.

На мостике, в темноте, я услышал шаги и разговор. Это был голос рулевого и незнакомый мне женский, они приблизились ко мне. Дама поинтересовалась моей фамилией и объявила, что обещала моей маме меня перецеловать. Так, значит, это — пани председатель...

Чайная роза

Меня впечатлила любезность почтенной дамы, не поленившейся ночью взобраться аж на мостик, чтобы исполнить обещание, данное в Вильно. Мне не пришлось особо наклоняться, чтобы облегчить ей исполнение обещанного. Поскольку количество поцелуев оговорено не было, я их и не считал. Меня, правда, несколько смутил их пыл и свежесть. Это стало для меня неожиданностью. На мостике впотьмах определить возраст целующей дамы было невозможно. Но поцелуи были исключительно хороши.

На прощание пани председатель сообщила, что желает видеть меня и завтра, чтобы исполнить своё обещание при дневном свете, и тут же исчезла.

Ночью мы приняли лоцмана, а к утру уже стояли на швартовах у набережной. После завершения портовых формальностей на судно хлынули потоки встречающих. От исполнения обычной портовой деятельности меня оторвал вызов к капитану, который предупредил, что через четверть часа мы нанесём прощальный визит.

— Значит, к той пани, которая собирается вас расцеловать.

В назначенное время мы прибыли к её каюте, которая выглядела, как цветочный магазин, полный роз всевозможных цветов и оттенков. Оказалось, что пани председатель вовсе не была почтенной старушкой, как я себе представил. С горячим признанием я подумал об Американской Полонии, рассматривая её представительницу — высокую, прекрасную молодую женщину!

Капитан представил меня хорошенькой председательнице,

которая говорила по-польски прекрасно без американского акцента. Я услышал от неё много слов о красоте и женском обаянии моей мамы, затем пани председатель заявила, что очень мило провела время в нашем доме, ну и, что обещала маме расцеловать меня как можно лучше.

— В Польше дамы целовали меня троекратно, но в Америке мы не столь скупы, — объявила она под конец и, смеясь, расцеловала меня в присутствии капитана с ещё большим пылом, чем ночью на мостике.

Челюсть капитана всё время находилась в положении «fair» — «ясно», несмотря на то, что после входа в каюту ему не довелось принять участия в беседе. Собственно, говорила только дама. Через четверть часа капитану удалось взять голос и сказать, что мы не станем дольше отнимать у неё время. Дама выбрала одну из самых красивых алых роз и приколола её капитану. Затем она выбрала чайную розу и приколола к моей тужурке.

Мы с капитаном были изумлены выбором цвета дарованных нам роз. Я сразу это заметил по выражению капитанского лица. Так же, как и я, он желал знать значение выбранных цветов. Я был уверен, что капитан об этом спросит. Как только я об этом подумал, капитан задал вопрос:

— Значит, пожалуйста, у нас в Польше цветы и их цвета имеют определённые значения. В Америке это так же?

— Конечно же, — ответила с улыбкой явно удовлетворённая вопросом дама.

— Значит, пожалуйста, что в Америке обозначает красная роза?

— Я тебя люблю! — кокетливо ответила она.

Капитан выпрямился в кресле и улыбнулся, удовлетворившись ответом.

— Значит, а чайная, значит, жёлтая роза, что в Америке значит?

Дама кокетливо улыбнулась и пылким шёпотом вымолвила:

— Приди ко мне скорее!

Капитан, не меняя милого выражения лица, только как бы про себя, но вслух произнёс:

— Значит, чайная роза в Америке значит тоже самое, что в мореплавании ОРТОДРОМИЯ.

Продолжение на 26-й стр.

Цикл двухнедельных рейсов из Констанцы в Хайфу и обратно начался с момента появления на мостике нашего судна лоцмана.

Самая высокая надстройка над палубами, в которой размещаются штурвал и штурманская рубка, обычно называется «мостиком». На нескольких десятках квадратных метров палубы, тянущихся от борта до борта, проходит служба или же, по-другому, «несётся вахта». Для штурманского офицера мостик может превращаться в экзаменационный или зрительный зал, а иногда – в сцену. В море офицер каждодневно оставляет на нём восемь часов собственной жизни.

Мостик представляется зрительным залом, когда с него просматривается огромная сцена, небесный с золотым солнцем купол которой опирается на горизонт. С него можно восторгаться всем великолепием световых игр заходов и восходов луны и солнца, либо мириадами искрящихся звёзд. Актёрами предстают облака и ветер в ролях тайфунов, ураганов и бурь. Иногда горизонт сцены сужается до размеров русла реки, обрамлённого тропическими джунглями, очертаниями островов или материков. Появляющиеся животные, рыбы и птицы приветствуются на этой сцене как милейшие развлечения посередине долгих часов вахт, переходящих в дни, недели, месяцы и годы. На редко посещаемых морских путях суда также привлекают внимание. На регулярных линиях, где известно, кто и когда тебе повстречается, неожиданно появившееся судно вызывает такой же интерес, как и новый жилец, поселившийся в том же доме.

Мостик преобразуется из зрительного зала в сцену, когда на нём появляется кто-то не из своих. Обычно это – лоцман.

Лоцманы, сменяющие друг друга на мостике, редко оставляют о себе долгие воспоминания. Это преимущественно старые моряки. Большая часть их жизни прошла в море, а теперь они стараются упущенное время наверстать на берегу. Из отрывочных и коротких бесед с лоцманами, которые после нескольких рейсов в тот же самый

ЗНАЧИТ

порт начинают восприниматься как хорошие знакомые, можно понять, что они продолжают жить домашними заботами. В мыслях они далеко на берегу, в центре страстей, волнующих в этот момент всю семью, занимающуюся новыми сортами плодовых деревьев либо любимыми видами цветов в своих садах. Проводка судна, постановка его в соответствующем месте беспокоит исключительно начинающих лоцманов, но таких на большое пассажирское судно не направляют. Во всяком случае, на этой линии они нам не встречались.

После схода лоцмана ложимся на курс, который приведёт нас из Констанцы к проливу Босфор. За несколько миль до входа промез Европой и Азией нам встречаются небольшие дельфины, резвящиеся на поверхности моря всегда в одном и том же месте. Присутствовали они там в качестве верного навигационного знака, по которому можно было определять местонахождение. Резвящиеся дельфины издали производили впечатление большого пятна пенящейся воды. Находились они там, скорее всего, из-за поверхностного течения в направлении пролива.

Лоцманы, которых здесь мы брали на борт лишь первоначально, были, в принципе, неразговорчивы. Только однажды, когда при прохождении Босфора нам повстречались полосы густо-

го клубящегося тумана, ведущий нас лоцман рассказал, что с ним приключилось в подобных обстоятельствах.

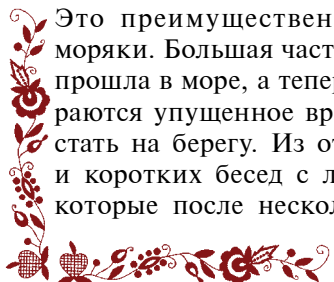
Деревянные домики, стоящие прямо на берегах пролива, оборудованы длинными, висящими над водой верандами, которые опираются на сваи, вбитые в дно довольно далеко от береговой линии. Под верандами иногда устраиваются лодочные причалы. Летом на верандах прохладно и не донимает жара. Судно, идущее в полосе тумана, подошло однажды слишком близко к берегу. В миг, когда туман развеялся, перед мостиком предстала немалая компания, рассеянная на покоящейся на баке судна платформе веранды, которую пароход принял на себя в момент подачи звукового туманного сигнала. Лоцман утверждал, что эта компания ещё пыталась продолжать пить кофе, поскольку стол и стулья стояли на платформе неколебимо.

Стоянка в Золотом Роге продолжалась обычно до восемнадцати часов. В это время мы выходили в дальнейший путь. О борта судна стали отираться мифология и история древнего мира.

После выхода из Дарданелл с левого борта мы оставляли тень Трои и начинали огромную петлю нашего странствия, которое в двух местах пересекала след, оставленный в истории чёрным кораблём Одиссея.

Яффа

КАПИТАН

От Трои до Яффы «Полония» с каждым рейсом всё больше углубляла проложенную собой «колею» вплоть до якорного места на рейде Яффы.

Яффа — интересный порт, если дело касается разгрузочных работ, в которых можно поучаствовать, наблюдая прямо с мостика за другими судами. Вот перед нами стоит на якоре огромное грузовое судно с гордым наименованием «Экзарх», принадлежащее североамериканской «Экспорт Лайн». В баржу, танцующую у борта на высокой в этот день волне, метит сверху ящик, висящий на шкентеле грузовой стрелы. Глядя на это с мостика «Полонии», бьёмся о заклад: «Попадёт? Не попадёт? Попадёт? Не попадёт?»

Не попал!

Огромный ящик исчезает в воде. Удерживающие его крюки или стропы не выдержали. Ящик не всплыл. Разгрузка окончена. И у них, и у нас. У нас всего лишь зрима.

Теперь «от имени моря» составляется приёмо-сдаточный протокол, о том, что ящик, с такими-то признаками и номерами вследствие внезапной смены погоды и неожиданно высокой волны рухнул в воду.

Баржа с рабочими отходит от «Экзарха», который поднимает якорь и направляется в Хайфу. Грузу придётся вернуться из Хайфы в Яффу по железной дороге. Что ж, непреодолимая сила...

Проблемы с разгрузкой в Яффе — явление обычное. К «чудесам» надлежит отнести случай с одним из наших грузовых офицеров. Ящик, принятый в Констанце, утонул в Яффе при разгрузке в плохую погоду. Это было отмечено в соответствующем протоколе, подписанном свидетелями. Через несколько дней несчастный ящик «всплыл» в Триесте. Не верящие в чудеса утверждали, что этот ящик прямо со склада в Констанце был подвезён под борт стоящего рядом с нами и принимающего штучный груз итальянского судна. С причала ящик по ошибке попал в трюм итальянского судна, а с ним — в Триест.

Городок на острове Сифнос

Это происшествие «не давало покоя» нашему бедному чудотворцу. С трудом удалось убедить его попытаться испить до дна эту горькую чашу страданий морехода, вечно терзаемого грузом. Мы утешали его схожей историей, выпавшей на долю пророка Ионы, который не где-нибудь, а именно здесь, под Яффой был проглочен морской рыбой и благополучно затем нашёлся.

Из Яффы мы направлялись в Хайфу, единственную естественную бухту на этом побережье. Лоцманами в Хайфе были англичане, которые исполняли свою работу скоро и чётко. Особенно один из них, невысокий брюнет всегда стремился «отработать» предельно быстро.

В Хайфу входили днём. Движение судов — интенсивное. Сюда заходило множество огромных пассажирских кораблей. Этот лоцман, «самый стремительный», так наловчился вводить суда, что громаднейшими пассажирскими лайнерами управлял, как моторными лодками. Он признавал только три вида команд для машин: «полный вперёд», «стоп» и «полный назад». Временные промежутки между командами, отдаваемыми рулевому, он заполнял посвистыванием: «фью-ю, фью-ю, фью-ю!»

Маленький лоцман взбегал на мостик, прикладывая один палец к своему тропическому шлему (собственно, он только поднимал этот палец вверх, или делал движение, подтверждающее намерение прикоснуться пальцем к шлему), после чего обращался к капитану единственным словом: «Алло!» и тут же давал команду: «Обе машины полный вперёд!». Продолжая посвистывать «фью-ю, фью-ю», лоцман указывал рулевому курс.

Наша двухтрубная Люкс-Торпеда неслась по порту во весь опор всеми своими шестью тысячами лошадиных сил, огибая причалы, как лыжник флажки. «Обе машины стоп!» — давал команду маленький брюнет в шлеме и продолжал посвистывать «фью-ю, фью-ю». «Обе машины полный назад! Фью-ю, фью-ю». Идущая вдоль пирса «Полония» начинала дрожать от килля до самых клотиков мачт. «Стоп! Фью-ю, фью-ю». И вот уже Люкс-Торпеда как вмурованная стоит у набережной. Теперь лоцман показывал всем свой мизинец, называя его «бай-бай!», и исчезал.

Этот образ существования при помощи лишь пальца и маневрирования при посредстве посвистывания, пробудил отцовские чувства у одного из позднее прибывших на линию капитанов, который пережегал польскую речь русизмами. Стал он крёстным отцом невысокого брюнета, нарекая его прозвищем «Свистункевич». Когда малый «крёстный сын» маневрировал, «крёстный отец» после каждого посвистывания приговаривал:

— Ну, Свистункевич!

После чего вспоминал его родительницу популярным русизмом, и предрекал себе, как капитану, несчастливый гороскоп: — Разобьёт мне пароход, аа...

Но как-то вот не разбил.

Следующее «лоцманское» развлечение нам теперь предстояло только в Пирее. Александрия, куда мы шли непосредственно из Хайфы, не была щедра на эмоции подобного рода. По пути из Александрии в Пирей, миновав остров Милос, мы оставляли по правому борту архипелаг островов, многие из которых были известны тем, что их жители специализировались в одной единственной профессии. Были острова, которые «поставляли» исключительно духовных лиц, а иные — лоцманов. Вдалеке при хорошей видимости можно было иногда разглядеть остров Сифнос, известный «поставками» шеф-поваров, наличием которых гордились все достойные уважения рестораны Малой Азии, особенно Стамбула.

Рекламным ходом, гарантирующим успех, было размещение под названием ресторана: «Шеф-повар из Сифноса».

Окончание на 28-29-й стр.

Порт Пирей

Начало на 16-й стр.

ОДИН из наших судовых интендантов, коллекционировавший восточные редкости, держал в своём собрании меню из великолепного стамбульского ресторана, в котором была упомянута фамилия повара родом с острова Сифнос. Меню, однако, попало в коллекцию диковинок совершенно по другому поводу. Оно в своё время сыграло для некоего лица, которому не хватило времени или денег для официального оформления загранпаспорта. По этому документу его владелец тридцать раз пересёк болгарско-румынскую границу. В карту меню-паспорта была вклеена его фотография, а на обороте карты были видны оттиски печатей, проставленных румынскими и болгарскими погранслужбами.

Для оправдания пограничников следует добавить, что любой из нас при необходимости, скорее всего, в подобной ситуации тоже бы печать приложил. Меню-паспорт набрано было арабской вязью.

Перед заходом в Пирей с полуострова Фемистокла, на котором растут огромные, покрытые пылью агавы, принимаем на борт лоцмана. Входим в порт. По обеим сторонам набережных ошвартованы суда.

Однажды среди них мы узнаём нашего старого знакомого по Яффе, которого ожидает постановка в док. Это был «Экзарх». Его флаг траурно приспущен до середины флагштока. Лоцман пояснил, что в этом рейсе «Экзарх» под командованием молодого капитана, для которого это был первый выход в таком качестве, сел на мель неподалёку от Кипра. Судовладелец, поставленный в известность о происшествии, прислал капитану утешительную радиogramму, в которой напомнил, что судну и так предстоит постановка в док.

Радиотелеграфист,

ЗНАЧИТ

несущий депешу, не дождавшись разрешения войти в каюту, открыл дверь. Капитан предстал перед ним мёртвым. Только что застрелился. Депеша опоздала...

В глубине порта бросаем якорь и кормой вперёд подходим к набережной, на которую подаём швартовы, касаясь бортом понтона. По спущенному на понтон судовому трапу начинается перемещение народов, продолжающееся до двадцати трёх часов. К этому времени прибывает лоцман. Чаще всего это именно тот, кто наводил на нас ужас.

Начинаем выбирать якорь, одновременно потравливая единственный ещё не отданный кормовой швартов. Неожиданно тишину разрывает зловещий голос «страшного» лоцмана, орущего на весь порт:

— Андроникооооо!!! — Эхо этого имени отражается от домиков портовых улиц и близлежащих возвышенностей. Но нет ответа на этот зов, никто не является.

Через четверть часа по всему Пирею вновь раздаётся:

— Андроникоооооо!!!

Тишина. С бака поступает доклад, что на выбираемом якоре лежат цепи нескольких других судов, вошедших в порт после нас и ошвартовавшихся, как и мы, но кормами в других направлениях. Дёргающиеся цепи этих пароходов, задеваемые нашим якорем, вызывают движение на баках «потревоженных» судов. Виден свет электрических фонариков, слышен скрежет якорных шпилей.

— Андроникоооооо!!! — И опять над всем Пиреем летит таинственное имя, на которое нет ответа.

Хорошо, когда не идёт проливной дождь. Команда, несмотря на выработанную в этом деле сноровку, бьётся с якорной цепью до двух или трёх часов ночи.

Наш вопрос лоцману, кто этот таинственный человек, носящий имя византийских императоров, повисает в воздухе будто бы остался непонятым.

— Андроникоооооо!!!

С помощью бинокля пытаемся отыскать в скудном свете портовых фонарей персону, носящую

это имя, но никогда никого поблизости заметить не удавалось.

Около трёх часов в нас пробуждается надежда, что освободимся, наконец, от цепей.

— Андроникоооооо!!! — Орёт лоцман, высунувшись через боковое окно надстройки мостика. Тишина. Имя Андроникоса, должно быть, уже долетело до афинского Акрополя.

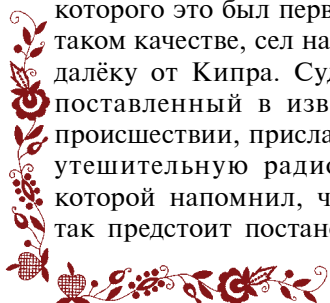
К кому по имени Андроникос взывал лоцман, так и осталось для нас вечной тайной. Наша память сохранила это явление как нечто жуткое, неизвестное и непонятое.

Бытовало мнение, что лоцман таким образом предупреждал портовые службы, чтобы те не вводили другие суда, или информировал людей, которые должны его забрать на Мыс Фемистокла после выхода «Полонии» из порта, что могут ещё спокойно поспать. Но, по нашему мнению, это не соответствовало действительности. Тем не менее, кто-то, слыша этот крик, летящий над ночной Грецией, высказался так: «Лоцман телефонирует Фемистоклу».

После выхода из Пирея машины старались наверстать время, упущенное из-за Андроникоса. Пройдя пролив Доро между островами Эвбея и Андрос мы ложились на курс, ведущий к Трое. На широте острова Скирос мы обычно встречали одинокую чайку. Была она явлением таким же удивительным, как и Андроникос. Всегда в одном и том же месте и всегда в одиночестве. Кое-кто видел в ней душу Андроникоса наподобие Афины Паллады, воплотившейся в изящную ласточку и наблюдавшей за борьбой Одиссея с женихами после возвращения на родную Итаку.

Появление берегов, на которые высаживались рыцари, осаждавшие Трою, замыкало петлю нашего странствования по Средиземному морю. Далее следовало скорое чередование: Дарданеллы, Мраморное море, Золотой Рог, стоянка в Стамбуле, Босфор и Чёрное море.

В одном из рейсов, когда мы уже приближались к Констанце, воздух был насыщен влагой и холодом осени. Начинало

КАПИТАН

светать. На мостик упала стая ласточек. На этом участке весной и осенью мы зачастую встречали огромные стаи птиц, стремящихся на север или юг. Выбившиеся из сил ласточки упали на палубу, как только заметили судно. Из боязни растоптать обессиленно лежащих на палубе птичек я собирал их и осторожно уложил в большие футляры для допотопных подзорных труб, закреплённые на переднем ограждении мостика. Птички были настолько уставшими, что лежали на ладони как неживые.

В утренней мгле я вдруг заметил кружащих над водой журавлей. Их было пять. Два опустились так низко, что были не в состоянии подняться выше и долететь до судна. Трём удалось из последних сил подняться и упасть на мостик. Лежали они промокшими и неподвижными. Я отнёс их в правый нокгауз, обвязал их линём от спасательного круга и уложил под столом, чтобы случайно не наступить.

Мы приближались к Констанце. Приняли лоцмана. Кряжистый, раскрасневшийся румын, уставший от ночной службы, взошёл на мостик. Поздоровался, но разговаривать не стал. Машине дали команду «Полный вперёд!». Капитан зашёл в свою каюту.

Лоцман в задумчивости и не в лучшем расположении духа подошёл к месту, где находились

рукоятки свистка и сирены. Это были «допотопные» устройства, действующие посредством деревянных рычагов, к которым прикреплены длинные стальные проволоочные тяги, присоединённые вторыми концами к свистку и сирене, установленных на передней стенке первой дымовой трубы. Обычно использовался свисток.

Уставший лоцман неожиданным рывком дёрнул за рычаг сирены. Сирена пронзительно взвыла. Проволоочная тяга сирены, возможно уже надломленная, не выдержала рывка и лопнула. Лоцман с неудовольствием удалился в правый нокгауз и там облокотился о стол. Рулевого я тут же отправил ремонтировать тягу. Беспроглядные тучи опустились низко над морем. Стенело. В надстройке господствовал мрак. Неожиданно до меня донёсся страшный крик лоцмана, который выскочил из надстройки и побежал так быстро, будто его преследует бешеная собака. Я моментально догадался, что сидящие в углу под столом журавли восстановили силы и клюнули лоцмана. Эффект был молниеносный. Румын не мог прийти в себя с испуга и вытирал пот с лица и рыжих волос. Я пытался с серьёзным выражением лица и моим запасом румынских слов объяснить, что же произошло.

Лоцман был взбешён, а выглядел он человеком вспыльчивым.

Порт в Констанце

Надев фуражку он, прежде, чем я успел сориентироваться, что ему может прийти в голову, открыл футляр для подзорных труб. Из футляра прямо в лицо лоцмана выпорхнули ласточки. Это было уже чересчур. Лоцман впал в бешенство. Он сорвал с головы новенькую английскую фуражку, кинул её на палубу, стал на ней прыгать обеими ногами и реветь изо всех сил:

— DRACULUI VAPORUL!
DRACULUI VAPORUL!⁵

Кричал и ревел. На этот страшный рёв капитан вышел из каюты. Подпрыгивающего на собственной фуражке вопящего беспрестанно «*Dracului vaporul!*» лоцмана спросить о чём-либо было невозможно. Занятый уничтожением собственной фуражки, он ничего вокруг не замечал. Капитан обратился ко мне:

— Значит, я вас прошу, что, значит, случилось с лоцманом?

Я пытался сдержать смех и поэтому не сумел ответить кратко и по существу. Сбиваясь и с трудом хватая воздух, я бессмысленно объяснял капитану:

— Журавль его клюнул и...

Не сумел я больше выдать из себя ни одного слова, даже священного завершения «пан капитан».

— Значит, какой журавль? Значит, о чём вы говорите?

Лоцман продолжал издеваться над своей фуражкой и не переставал кричать «*Dracului vaporul!*» Я не сумел успокоиться и на вопрос капитана прошептал:

— Ласточки ему в лицо вылетели...

— Значит, что вы сделали с лоцманом?

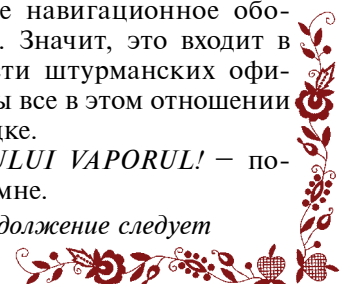
Лоцман услышал голос капитана и унялся. Поднял то, что было когда-то его английской фуражкой и, пытаясь её распрямить, назначил рулевому новый курс. Тем временем слово за словом я добрался в разговоре с капитаном до тяги включения сирены.

— Значит, на судне неполадки. Значит вы недостаточно часто проверяете навигационное оборудование. Значит, это входит в обязанности штурманских офицеров, и вы все в этом отношении не в порядке.

DRACULUI VAPORUL! — подумалось мне.

Продолжение следует

⁵ *Dracului vaporul* (рум.) — чёртово судно

- 550 lat** – Na mocy pokoju, zawartym w Toruniu, Polska w wojnie trzynastoletniej zyskała tzw. Prusy Królewskie. Do niej powróciło Pomorze Gdańskie, ziemia chełmińska i michałowska (19.10.1466).
- 515 lat** – Sejm w Piotrkowie wybrał na króla Polski Aleksandra Jagiellończyka (3.10.1501).
- 455 lat** – Wielki mistrz Gothard Kettler dokonał sekularyzacji Zakonu Kawalerów Mieczowych i złożył hołd lenny królowi polskiemu (28.11.1561).
- 430 lat** – W Grodnie zmarł Stefan Batory (12.12.1586).
- 405 lat** – Po śmierci króla szwedzkiego Karola IX Sudermańskiego jego syn i następca Gustaw II Adolf zawarł rozejm z Rzeczpospolitą (16.10.1611).
- 405 lat** – Elektor brandenburski Jan Zygmunt złożył królowi pruskiemu hołd z Prus Książęcych. Jednocześnie sejm polski uznał Jana Zygmunta za następcę chorego umysłowo Albrechta Fryderyka Hohenzollerna (16.11.1611).
- 375 lat** – Elektor brandenburski i książę pruski Fryderyk Wilhelm Hohenzollern złożył królowi polskiemu Władysławowi IV ostatni hołd pruski (7.10.1641).
- 360 lat** – W Niemierzy koło Wilna zawarto rozejm z Rosją bez zmian terytorialnych. Strony zobowiązały się do współdziałania wojskowego przeciwko Szwecji (3.11.1656).
- 360 lat** – W Siedmiogrodzie zawarto układ przewidujący rozbiór Rzeczypospolitej przez króla szwedzkiego Karola X Gustawa, elektora brandenburskiego Fryderyka Wilhelma, księcia siedmiogrodzkiego Jerzego II Rakocznego, Bohdana Chmielnickiego i Bogusława Radziwiłła (6.12.1656).
- 345 lat** – Hetman Jan Sobieski po bitwie pod Kalnikiem ostatecznie wypędził siły Piotra Doroszenki z Braclawszczyzny (21.10.1671).
- 345 lat** – Turcja wypowiedziała wojnę Rzeczypospolitej, żądając wycofania wojsk z Podola i Ukrainy i przekazania tych ziem Piotrowi Doroszence (10.12.1671).
- 250 lat** – Sejm odrzucił wniosek dysydentów dotyczący tolerancji religijnej i równouprawnienia oraz królewską propozycję ograniczenia liberum veto (6.10.–29.11.1766).
- 220 lat** – Generał Henryk Dąbrowski uzyskał zgodę Dyrektoriatu na tworzenie oddziałów polskich przy armii francuskiej stacjonującej we Włoszech pod dowództwem generała Napoleona Bonaparte (30.10.1796).
- 220 lat** – Car Paweł I wypuścił z Petersburskiego więzienia Tadeusza Kościuszkę (26.11.1796).
- 210 lat** – Wybuchło powstanie w departamencie kaliskim, które w szybkim tempie objęło cały zabór pruski (9.11.1806).
- 210 lat** – Napoleon uroczyście wjechał do Poznania (27.11.1806).
- 210 lat** – Wojska francuskie dotarły do Warszawy (28.11.1806).
- 210 lat** – Napoleon przybył nocą do Warszawy. Następnego dnia złożył niejasną obietnicę utworzenia państwa polskiego (18/19.12.1806).
- 210 lat** – Bitwy francusko-rosyjskie pod Pułtuskim i Gołyminem (26.12.1806).
- 200 lat** – Na Uniwersytecie Wileńskim powstało Towarzystwo Filomatów (miłośników wiedzy), na czele którego stanęli: Adam Mickiewicz, Tomasz Zan, Jan Jeżewski, Jan Czeczot (1.10.1816).
- 200 lat** – Car Aleksander I utworzył Królewski Uniwersytet w Warszawie składający się z pięciu wydziałów: teologii, prawa, medycyny, filozofii oraz nauk i sztuk pięknych (19.11.1816).
- 195 lat** – Namiestnik Józef Zajaczek zdelegalizował wszystkie związki i loże w Królestwie Polskim i skonfiskował ich majątki (16.12.1821).
- 185 lat** – Armia polska w liczbie około 20 tysięcy żołnierzy przekroczyła granicę pruską. Kraj opuścili również przedstawiciele rządu, sejmu oraz liczni politycy (5.10.1831).
- 185 lat** – Kapitulacja Zamościa jako ostatniej twierdzy oznaczała zakończenie powstania (21.10.1831).
- 185 lat** – Utworzenie Tymczasowego Komitetu Emigracji z Bonawenturą Niemojowskim na czele (6.11.1831).
- 185 lat** – Wprowadzenie cel na granicy Królestwa Polskiego z Rosją (24.11.1831).
- 185 lat** – Na prezesa Komitetu Narodowego Polski wybrano Joachima Lelewela (15.12.1831).
- 185 lat** – Zmarła kapitan Emilia Plater, która walczyła w powstaniu listopadowym na Litwie (23.12.1831).
- 185 lat** – Zamknięcie Uniwersytetu Warszawskiego, Towarzystwa Przyjaciół Nauk oraz wszystkich gimnazjów w Królestwie Polskim. Dorobek materialny tych instytucji wywieziono do Petersburga (24.12.1831).
- 170 lat** – Decyzją mocarstw zaborczych: Rosji, Austrii i Prus zlikwidowano Rzeczpospolitą Krakowską. Wolne Miasto Kraków zostało włączone do Galicji i Lodomerii (6.11.1846).
- 155 lat** – Następca zmarłego namiestnika Gorczakowa Karol Lambert wprowadził w Warszawie stan wojenny i zakazał wszelkich demonstracji (14.10.1861).
- 155 lat** – Zwoleńnicy walki powołali w Warszawie Tajny Komitet Miejski kierowany przez Apollo Korzeniowskiego (17.10.1861).
- 155 lat** – Aleksander Wielopolski podał się do dymisji i wyjechał z Warszawy protestując przeciwko brutalności wojska (4.11.1861).
- 150 lat** – W wyniku reformy konstytucyjnej w Austrii utworzono dualistyczną monarchię austro-węgierską. Galicja znalazła się w części austriackiej (17.11.1866).
- 150 lat** – Sejm Krajowy w Galicji wystosował adres do cesarza Franciszka Józefa I, w którym zawarł słynne słowa: „Przy Tobie, Najjaśniejszy Panie, stoimy i stać chcemy” (10.12.1866).
- 145 lat** – Początek tak zwanego Kulturkampfu, czyli walki władz niemieckich z Kościołem katolickim w latach 1871–1878 (23.11.1871).
- 115 lat** – Wojciech Korfanty wydał pierwszy numer *Górnoślązaka* (6.12.1901).
- 110 lat** – Bojownicy PPS dokonali pod Rogowem w Łódzkiem zamachu na pociąg pocztowy zdobywając 30 tysięcy rubli (9.10.1906).
- 110 lat** – Zmarł ksiądz Jan Dzierżoń, najwybitniejszy badacz pszczół w Europie (26.10.1906).
- 110 lat** – Władze zgodziły się zalegalizować Towarzystwo Kultury Polskiej w Warszawie (27.10.1906).
- 110 lat** – W Królestwie zalegalizowano Polskie Towarzystwo Krajoznawcze (8.11.1906).
- 110 lat** – W Królestwie zalegalizowano Towarzystwo Naukowe Warszawskie (10.11.1906).
- 100 lat** – Cesarze Niemiec i Austro-Węgier ogłosili decyzję o utworzeniu Królestwa Polskiego z ziem polskich, które zostały „panowaniu rosyjskiemu wydarte”. Królestwo miało być samodzielną monarchią konstytucyjną powiązaną z obu cesarstwami (5.11.1916).
- 100 lat** – Gubernatorzy obu cesarstw wezwali Polaków do zaciągania się do armii polskiej tworzonej u boku Niemiec i Austro-Węgier (9.11.1916).
- 100 lat** – W Vevey w Szwajcarii zmarł Henryk Sienkiewicz (15.11.1916).
- 100 lat** – Po 68-letnim panowaniu zmarł cesarz Austro-Węgier Franciszek Józef I. Jego następcą został Karol I (24.11.1916).
- 100 lat** – Do Warszawy wkroczyły Legiony Polskie z generałem Stanisławem Szeptyckim na czele. Wojsko w polskich mundurach po raz ostatni widziano na ulicach stolicy w 1831 roku (1.12.1916).
- 100 lat** – Ogłoszono powołanie Tymczasowej Rady Stanu z zadaniem tworzenia zrębów administracji polskiej (6.12.1916).
- 100 lat** – Car Mikołaj II zapowiedział „stworzenie Polski wolnej złożonej ze wszystkich trzech części dotąd rozdzielonych” (25.12.1916).
- 95 lat** – Powstał Związek Obrony Kresów Zachodnich stawiający sobie za cel obronę ludności polskiej w Niemczech (1.10.1921).
- 95 lat** – Rada Ambasadorów podjęła decyzję o podziale Górnego Śląska. Polsce przypadło 29% obszaru plebiscytowego. Po stronie polskiej pozostało 250 tysięcy Niemców, po niemieckiej – 530 tysięcy Polaków (12.10.1921).
- 95 lat** – Z powodu narastającej inflacji sejm uchwalił ustawę o powszechnym jednorazowym podatku od ludności (16.12.1921).
- 90 lat** – W Łazienkach Królewskich w Warszawie odsłonięto pomnik Fryderyka Chopina (31.10.1926).
- 85 lat** – Odbył się drugi powszechny spis ludności. W Polsce mieszkało 31 916 tysięcy osób, w tym 69 % stanowili Polacy, 14 % Ukraińcy, 8,5 % Żydzi (31.10.1926).

Nie przyszła góra do Mahometa, poszedł Mahomet do góry

Если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе

Suchy marzec, mokry kwiecień, chłodny maj, będzie zboże jako gaj

Март сухой и мокрый май – будет каша и каравай

Każda swego znajdzie

Каждая невеста для своего жениха родится

Musztarda po obiedzie

Дорога ложка к обеду

Nic ślepeму po źwierciadle

Нужно, как рыбе зонтик

Kto pana kocha, ten i psa jego głaszcze

Пригrel меня, так корми и коня

Złodziej w każdym widzi złodzieja

О людях по себе судят

Najprędeј błądzi, kto prędeј sądzi

Поспешишь – людей насмешишь

Obżarstwo więceј zabija, niż miecz

Не с поста, а с обжорства мрут

Nadtłuczony garnek najdłużeј wytrzyma

Битая посуда два века живёт

Dobra chęć stoi za uczynek

Почин дороже дела

Przykład lepszy niż nauka

Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать

**WIADOMOŚCI
POLSKIE**

Nr 4 (52) 2016 r.

**ПОЛЬСКИЕ
ВЕДОМОСТИ**

№ 4 (52) 2016 г.

PISMO POLAKÓW Z POŁUDNIA ROSJI.

Poczta elektroniczna: wiadpol@mail.ru. Nakład 999 egz.

Redaktor naczelny – Aleksander SIELICKI: tel. +7 918 217 9077

Sekretarz – Aleksander PIOTROWSKI: P.O.Box 30, Krasnodar–centrum, 350000, Rosja

ИЗДАНИЕ ПОЛЯКОВ ЮГА РОССИИ.

Электронная почта: wiadpol@mail.ru. Тираж 999 экз.

Главный редактор – Александр СЕЛИЦКИЙ: тел. +7 918 217 9077

Секретарь – Александр ПЕТРОВСКИЙ: А.Я. 30, Краснодар-центр, 350000, Россия

Longin Komolowski jako prezes „Wspólnoty Polskiej” wśród nas